

ДАРЬЯ
КУЗНЕЦОВА

necka
БУЛАЛЕУ

Дарья Андреевна Кузнецова

Песня Вуалей

Серия «Колдовские тайны»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22075088

Кузнецова, Дарья Андреевна. Песня Вуалей: Издательство «Э»; Москва;

2016

ISBN 978-5-699-93192-7

Аннотация

Магистр Лейла Шаль-ай-Грас – профессиональный маг-Иллюзионист – получила заказ, от которого нельзя отказаться. Заказ, плата за который – ее рассудок. Заказ, который до основания разрушил тихую, привычную жизнь девушки. Обвинение в убийстве. Предательство. Смертельная угроза. Неминуемая встреча с прошлым, со всеми его призраками и страхами.

Магия Иллюзий сложна и опасна. Опасна в первую очередь для своего создателя: слишком велик шанс навсегда потеряться среди плодов собственного воображения и перепутать вымысел с реальностью. Она сталкивает лицом к лицу Лейлу и мага с таинственным и зловещим даром Разрушителя. Кто он – друг или враг? Сможет ли молодая напуганная девушка сотворить не просто иллюзию, но... чудо?

Содержание

Лейла	5
Дагор	113
Лейла	121
Дагор	132
Лейла	137
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Дарья Кузнецова

Песня Вуалей

*За помощь в редактуре книги большое спасибо
Полине Вяткиной!*

© Кузнецова Д.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Лейла

Бабочка трепетала золотистыми крыльями, рассыпая с них алые и синие искры. Вальяжно и неторопливо, как пушинка в безветренную погоду, опускалась на стебли лиан, купалась в пушистых клочьях облаков. Потом присела на подставленную мной ладонь, повела крыльями как живая. Она даже весила как настоящая и цеплялась за чешую тонкими льдисто-голубыми лапками.

Правда, стоило вспомнить, что в чешуе не может быть нервных окончаний, тем более настолько чувствительных, как в обычных человеческих ладонях, и ощущение послушно пропало. Я печально вздохнула и стряхнула бабочку с руки. Она осыпалась искрами и растворилась среди звезд.

Больше всего мне здесь нравились именно звезды под ногами. Они получились на удивление реальными, настолько, что каждый раз замирало сердце, когда нога ступала на пустоту. И казалось – следующий шаг оборвется в бездну.

А четыре стихии по углам и бесконечно высокое вечернее небо над головой были просто данью традиции. Практикующий Иллюзионист должен представить потенциальным клиентам все, на что способен. Стихии и небо были положены по должности. От себя я внесла только небольшой диссонанс – пламя текло сверху вниз, облака свивались стеблями с пышными лианами стихии земли, а вода струилась вверх,

срываясь каплями.

Я знаю, что всего этого нет, но все равно вижу и чувствую. Иначе нельзя, такова магия Дома Иллюзий.

Непосвященные думают, что мы создаем в окружающем мире нечто осязаемое, настоящее. На самом деле все проще. Мы лишь убеждаем свой разум в том, что видим, слышим и чувствуем. А убедив себя, легко заражаем своей верой окружающих. Этим опасны иллюзии – в них очень легко потеряться. Поверить во всемогущество, заблудиться среди порождений собственного разума и увлечь в них всех, до кого хватит сил дотянуться. Можно создать плотную и осязаемую иллюзию моста через пропасть, но не стоит надеяться переправиться по ней на другую сторону.

Балансируя на грани между верой в реальность созданного нами и знанием о его иллюзорности, мы можем творить многое. Человеческий разум легко обмануть, он сам буквально умоляет об этом. Одно легкое касание – и можно испытать небывалое наслаждение, ужас, боль, жар и холод, сытость и близость смерти, чувство полета и падения, но при этом тело будет неподвижно в пространстве, его не трунет огонь и острота стали.

Иллюзиями можно свести с ума. Иллюзиями можно убить. Надо просто заставить разум поверить, что его больше нет, и его действительно не станет.

– Госпожа, вас ожидает посетитель, – раздался скрипучий, пробирающий до поджилок голос, и из воздуха соткал-

ся улыбочивый оскал черепа, окутанного зеленоватым пламенем.

– Это замечательно! – оживилась я, торопливо расправляя складки на черном атласе глухого, под горло, платья. Отбросила за плечи перемеженные ключьями пламени черные волосы, ощупала острые антрацитовые рога, завивающиеся над висками, – не исчезли ли. Настоящее порождение Нижнего мира в своей первозданной форме, попробуй отличить! – Зови сейчас же.

– Если он в обморок не отвалился, – захихикал череп, выбиваясь из потустороннего образа. Или наоборот, еще углубляясь?

Я повелительно взмахнула рукой, отправляя его восвояси. Еще не хватало с собственной фантазией обсуждать клиентов! Нет, конечно, я привираю, я с ним не только обсуждаю, но еще и в карты порой играю, и в шахматы, но не хотелось потерять концентрацию перед встречей.

Череп – не просто иллюзия, он мой дипломный проект в соавторстве с другом-Материалистом, псевдоразумная стабильная субстанция. Если бы не ограниченность возможностей этого своеобразного привратника, мне грозило бы разбирательство со стороны Дома и Владык Иллюзий: закон запрещает создавать разумные иллюзии. Но череп умеет лишь смотреть, запоминать, разговаривать и немного влиять на мои иллюзии.

Гость вошел, попирая начищенными сапогами звезды и

раздвигая широкими плечами облака. Элегантный щеголь в небрежно застегнутой светлой рубашке, заправленных в сапоги узких брюках, с саблей в ножнах у бедра. В распахнутом воротах виднелось золотое солнце на цепочке – сильный амулет непонятного назначения. Светлые волосы спадали по последней моде чуть ниже плеч, оттеняя высокие резкие скулы и холодные серые глаза.

Глаза в нем были настоящими. Одни только они – безжалостные, умные, цепкие.

Ломаный медяк цена тому Иллюзионисту, который не способен распознать иллюзию чужого облика.

– Магистр Шаль-ай-Грас? – спросил у окружающего сумрака, пронизанного разноцветными всполохами. Голос посетителя был под стать облику: завораживающий, отдающийся где-то глубоко в подвздошь.

– Я слушаю тебя, мой господин, – богато модулированным голосом проворковала я, соткавшись из межзвездной тьмы.

– Неплохо, – кивнул он, и в уголках губ мелькнула жесткая насмешливая улыбка. Почти незаметная. Он не скрывал ее, просто экономил на эмоциях. Взгляд внимательно, жадно ощупывал очерченное тяжелой тканью тело. Я не замедлила повернуться и чуть изогнуться так, чтобы он уж точно не пропустил ничего интересного. – Я впечатлен. Вы полностью соответствуете полученным мной рекомендациям. Браво.

– Твой взгляд, господин, заставляет меня забыть о прелюдии вежливости, – чуть охрипшим грудным голосом ответи-

ла я. За что удостоилась еще одной усмешки и кивка.

– Снимите иллюзию, магистр. Я хочу говорить с вами.

Я несколько секунд колебалась, но с некоторым разочарованием выдохнула:

– Твое желание – закон, мой господин, – и сорвала иллюзию, как в порыве страсти срывают одежду с любовника.

Перед посетителем предстала невысокая полноватая блондинка с невыразительной внешностью и поджатыми тонкими губами. Единственной яркой деталью ее внешности были веснушки.

– Так лучше? – строго поинтересовалась я.

– Прошлая понравилась мне больше, – хмыкнул блондин. – Магистр Шаль-ай-Грас, не надо со мной играть. Я уже сказал, что достаточно впечатлен вашим мастерством, и теперь желаю разговаривать с вами, а не с одной из масок. Если вы не хотите вести диалог на таких условиях, я найду более сговорчивого специалиста.

Я вновь вздохнула и решила рискнуть. Знала бы, к чему это приведет, пять раз подумала бы, стоит ли цепляться за такого клиента...

И перед посетителем предстала я. Рыжая, гибкая, с вьющимися мелким бесом волосами, собранными в небрежный хвост, в залатанных домашних шароварах и длинной потертой рубаше на два размера больше, чем надо. Как есть, рыжая помойная кошка. Это если верить друзьям, а не верить еще и им – уже паранойя.

Опустилась в мягкое кресло, жестом предложив блондину стул с высокой спинкой. Он внимательно окинул взглядом лишившееся иллюзий помещение: гамак в углу, одежный шкаф рядом, отделявший меня от посетителей тяжелый старый дубовый стол, низкий диван с кофейным столиком сбоку от дверного проема, шкафы с книгами, безделушками и дипломами, – и сел, теперь уже полностью сосредоточив внимание на мне.

– Я сняла маску. Ваша очередь, господин, – проговорила я, стараясь, чтобы просьба не прозвучала излишне резко.

– Что ж, извольте. Дайрон Тай-ай-Арсель, дор Керц, к вашим услугам, мастер, – шутовски раскланялся мужчина, не вставая с места.

– Это честь для меня, дор, – не дрогнувшим голосом ответила я, сумев удержать на лице подобающее выражение. Я Иллюзионист, и мое лицо – всегда маска, даже если снять с него покров чар.

А внутри все трепетало и обмирало от ужаса и противоестественного восторженного любопытства. Передо мной сидел человек, о котором ходили легенды. По большей части очень страшные легенды. О том, насколько он ненавидит светлейшего Бирга Четвертого, нашего правителя, на чей престол Тай-ай-Арсель стоит в очереди вторым, сразу за малолетним наследником. О том, насколько жесток и злопамятен этот человек. О том, какие оргии творятся за высокими стенами Закатного Дворца, постоянной резиденции дора

Керца на окраине города, между Домом Целителей и кварталом Часов. О том, что случается там с несчастными юными простолюдинками, которых потом никто не ищет. О том, откуда берет деньги это чудовище в человеческом облике. О той странной магии, которой он владеет...

Передо мной один из самых опасных людей Среднего мира! Вечный Странник¹, чем я провинилась, что ты привел его в мой дом?

Зачем я послушалась и сбросила иллюзию? Теперь, как это обычно бывает с практикующими Иллюзионистами, чувствовала себя беззащитной. А учитывая личность собеседника, обнаженной и связанной по рукам и ногам.

Он знал это, он на это рассчитывал и был доволен. Только

¹ Вечный Странник – самое загадочное и страшное божество, олицетворение безумия и внезапной мучительной, чаще всего насильственной, смерти. Кроме того, он единственный, кто может прервать следование души по начертанному пути. Если человеку доведется столкнуться с Безумной Пляской или просто попасться под руку рассерженному богу, душа будет обречена на вечные мучения между жизнью и смертью. Неприкаянная, она так и не сможет покинуть мир до его окончания. И таким душам не в силах помочь даже остальные боги. А Странник по определению не способен отменить эту кару; просто потому, что это не кара, а его суть. Изображается очень редко, потому что, по преданию, его изображение несет проклятие автору и хозяину, и истинное его лицо утеряно в веках. В храмах его обычно символизирует столб из обсидиана, потому что хоть изображать и нельзя, но оскорблять бога, тем более такого бога, пренебрежением – дураков нет. В центральном храме Амариллики представлено древнейшее из существующих изображений этого бога. Там он являет собой темную фигуру, закутанную в глухой плащ с капюшоном. Из-под плаща выпростана только левая рука со скрюченными в попытке удержать что-то вроде крупной сферы пальцами, ладонью вверх. Цвет – серый, как символ безнадежности.

он, как и все, недооценивал ту глубину, на которую ложь и фантазии проникают в душу и тело мастера Иллюзий. Пусть мне лишь двадцать пять, но я талантливый маг, обладающий определенными навыками. Пока я жива, пока я говорю и дышу, я буду отделена от мира пеленой фантазий. Даже если отнять у меня всю магию, это ничего не изменит – такова главная сила Дома Иллюзий. Нам всем приходится стать актерами, и актерами почти совершенными.

Игры разума способны породить чудовищ, и я порой проклинала свой дар. Но только старая, вросшая в кожу маска может служить достойной броней и защитить от этого холодного, бесстрастного взгляда.

Страх, тревога, затаенное самодовольство – как же, мой жалкий кров посетила такая важная персона. Он видел то, что хотел видеть: такова суть иллюзорной магии.

Страх был и внутри. Но другой – настороженный, цепкий, внимательный. Не бояться таких людей опасно для жизни.

– Что привело вас к моему скромному очагу?

– Не прибедайтесь, мастер, – усмехнулся он. – Вы довольно успешны как специалист, и именно поэтому я решил обратиться к вам. Вы достаточно талантливы, чтобы подойти для моей затеи, и достаточно молоды, чтобы проявить нужную фантазию. Возьметесь?

– Хотелось бы узнать подробности работы. И вознаграждения, разумеется, – немного расчетливости, немного осторожности, без этого получится недостоверная картина. На

самом же деле... На самом деле было не до эмоций. Единственное, чего хотелось по-настоящему, – чтобы этот человек ушел и никогда не возвращался.

Стоило отказаться сразу, когда он грозился уйти к другому мастеру. А теперь мне уже не хватит духу выставить его за дверь, пусть я и пожалею об этом очень скоро. Дор Керц не обидится на отказ, он просто мимоходом уничтожит всю мою жизнь, и для этого ему хватит одного мановения руки.

– Скоро зимний солнцеворот. Я устраиваю в своем доме небольшой прием по этому случаю, и мне хотелось бы развлечь гостей. Нет, вам не придется одной продумывать весь праздник. – Он усмехнулся. – Над этим уже работают другие маги. От вас понадобится воплощение лишь одной маленькой фантазии, сюрприза. Сюрприза, госпожа магистр, о котором никто не должен узнать. Что касается вознаграждения, не волнуйтесь, оно будет более чем достойным. Возьметесь?

– Если это будет в моих силах, – медленно кивнула я. – В любом случае обещаю, что подробности вашего сюрприза останутся при мне и я никому их не раскрою раньше праздника.

– И после – тоже, – припечатал Тай-ай-Арсель.

– Но... почему?

– Считайте это моей блажью, – махнул рукой мужчина и улыбнулся, сглаживая резкий тон предыдущего приказа. – Так вот, о сюрпризе. Я хочу пригласить на солнцево-

рот Безумную Пляску. И хочу, чтобы она увлекла меня за собой, – улыбка стала напоминать хищный оскал, а я порадовалась, что сижу в кресле, потому что иначе ноги точно подкосились бы.

– Вечный Странник, боюсь, может не оценить такого юмора, – осторожно проговорила, тщательно подбирая слова. Вот уж что никогда не мечтала изобразить, так это Безумную Пляску! Я при самом лучшем раскладе потом две недели буду приходить в себя! Прикинув, чем грозит согласие, я уже открыла рот, чтобы подписать себе приговор и отказаться, но посетитель перебил меня.

– Эта шутка не для столь высоких особ, – отмахнулся он, наслаждаясь моей растерянностью и смятением, теперь уже совершенно неподдельными. – За услугу я заплачу две сотни золотом. И небольшой бонус за срочность. – С этими словами дор Керц невозмутимо извлек из кармана брюк какой-то предмет и выложил на протянутую ладонь.

Против воли я подалась вперед, разглядывая камень. Крупный, с ноготь большого пальца размером, безупречный желтый топаз. По граням соскальзывали тусклые отблески неяркого отраженного света. И я чувствовала, всем существом ощущала глубину и чистоту этого камня. Он шептал мое имя, звал меня и обещал... покой. Он был ничейным и хотел стать моим.

Желтый топаз. Камень Иллюзионистов. Камень, помогающий сохранить концентрацию и разум магам моего направ-

ления.

На ладони Тай-ай-Арселя лежало воплощенное могущество. За такой камень, кроме шуток, любой Иллюзионист продаст душу. Это весомая, стопроцентная гарантия, что маг сохранит свой разум в любой ситуации, не заблудится и не пропадет среди своих творений.

Дор Керц наблюдал за мной с самодовольной насмешкой. Он знал, что купил меня с потрохами. Он мог не предлагать ни медяка; за один этот камень я ему не то что Безумную Пляску, Вечного Странника и Господина Ночь² готова была притащить живьем!

Было обидно осознавать свою предсказуемость и ту простоту, с которой меня втравили в крупные неприятности. В последнем я была уверена. За какой-то розыгрыш, – пусть мне придется надломить себя, пусть я и пообещаю не раскрывать его суть до конца своих дней, – не предлагают столько. Расплата непременно придет, она будет суровой и труд-

² Господин Ночь – легендарный маг, чье имя история не сохранила. По преданиям, это был маг-Разрушитель, долгое время (от нескольких десятков лет и до нескольких сотен по разным источникам) правивший народом теров во Вторую эру. Бессмертный, безжалостный, жестокий, он собрал под свои знамена едва ли не все народы континента. В те времена закон устанавливало право сильного, а он был сильнее всех. По все той же легенде, его подвела гордыня, Господин Ночь назвал себя равным богам, за что был повержен Тайром Яростным, а имя его было проклято. По одной из версий, он был полубогом и сыном Вечного Странника. Археологические исследования подтверждают существование в дофлоремтерскую эпоху большого военизированного государства, но время жизни этой империи вряд ли составляло более века, а о правителе и основателях его известно крайне мало.

ной, но... камень мягко мерцал в теплых лучах свет-камня настольной лампы и звал меня по имени. А отказать *ему* я не могла, даже если это в конце будет стоить мне жизни. Заблудиться в вымышленных мирах, запутаться в реальности, потеряться в собственных фантазиях и перестать отличать иллюзии от реальности – в сравнении с этим меркнет даже страх смерти.

Такова плата за могущество. У каждого мага за пазухой есть свой монстр, свой палач и неотвязный ночной кошмар. Мы управляем силой и панически боимся, что когда-нибудь она сорвется с поводка и воздаст за неволю. Иллюзионисты теряют разум, Материалисты – человечность и совесть, Целители – силы и радость жизни, Разрушители – чувства и душу.

Теперь отпадал вопрос, почему дор пришел именно ко мне. «Живых» камней не бывает в открытой продаже, все они, добытые из недр земли, оседают в глубинах Домов, и, чтобы извлечь их оттуда, нужны большие деньги и связи. А откуда все это у хоть трижды талантливой, но все-таки – сироты? С дипломом вместе мне, как и всем, вручили серебряное колечко с крошечной желтой искрой камня внутри, но для моего дара этого было слишком мало. А чем сильнее маг, тем выше риск безумия. Магов много, камней – мало, привязанный же к одному человеку камень умирает вместе с ним. Нет, он не рассыпается в пыль, но становится просто куском красивой материи.

Поиск иных, без участия драгоценных камней, возможно-стей стабилизировать дар мага или способов многоразового использования кристаллов уже много лет занимает умы исследователей, но, насколько я знала, пока почти безрезультатно. Единственным сдвигом стал открытый лет десять назад алхимический способ выращивания камней, но таким образом можно получить только очень маленькие «живые» кристаллы, а с ними и так особой проблемы никогда не возникало.

Впрочем, даже дефицитные камни лучше их полного отсутствия. До того как обнаружили и научились использовать эту связь, маги гораздо чаще срывались или сходили с ума. Особенно эти цифры удручали в отношении магов выше среднего уровня, которые в невменяемом состоянии слишком опасны. Если бы я осталась служить Дому Иллюзий, для меня, наверное, нашелся бы подходящий топаз. Но остаться там... это было слишком, даже хуже, чем страх безумия. Так было, когда закончилось обучение, и я по-прежнему не жалела о том решении.

Наверное, скоро у меня появится такая возможность – пожалеть.

– Это более чем достойная плата. Вознаграждение за молчание или есть что-то еще?

– И за молчание, и за старание, и, как я уже говорил, за срочность, – со все той же холодной улыбкой проговорил мужчина и небрежно бросил камень на стол. Солнечный ша-

рик прокатился по деревянной поверхности, подпрыгивая на собственных гранях и неровностях древесины, и остановился, как дрессированный, на расстоянии вытянутой руки. Я подавила инстинктивное желание накрыть камень ладонью, вцепиться в него и слиться силой. Усилием воли заставила себя отвести от вожаемого предмета взгляд и перевести его на лицо собеседника. Не сказать что мужчина был удивлен или впечатлен моим поведением – скорее, взирал на такую сдержанность с одобрением.

– Даже за это я не буду нарушать закон, – твердо проговорила я. – Это будут лишь иллюзии.

– Качественные иллюзии, – поправил меня дор Керц. – Не столь живые, как ваш привратник, но на подобающем уровне. Все должны поверить. Ну, или, по крайней мере, большинство.

– Хорошо, – кивнула я и открыла ящик стола. Покопавшись, извлекла на свет типовой договор, отпечатанный на хорошей бумаге, и протянула его вместе с пером клиенту. – Должна предупредить, что мне придется как следует осмотреть место проведения праздника и присутствовать на балу, иначе ничего не получится.

– О, вы меня не удивили, – отмахнулся дор, пробегая глазами договор. Потом аккуратно разгладил бумагу на столе и принялся заполнять нужные строчки ровными острыми буквами. – Я имею представление о работе мастеров разных Домов. Учитывая, что праздник уже скоро, предлагаю отпра-

виться на место прямо сейчас, – предложил он, не отрываясь от письма.

– Тогда, с вашего позволения, я переоденусь, – я поднялась с кресла, проигнорировав поблескивающий на столе осколок солнца.

– Как хотите, – равнодушно повел плечом мужчина, скользнул по мне бесстрастным взглядом и усмехнулся каким-то своим мыслям, после чего спокойно вернулся к документу. Я отошла в угол к гамаку, где стоял платяной шкаф, и задернула туманную завесу между собой и комнатой (разумеется, с моей стороны завеса была прозрачной).

Роскошных нарядов, соответствующих положению и облику такого спутника, в моем распоряжении не было, но не идти же в домашнем! Так что я быстро поменяла одежду на почти новую и почти парадную: ярко-зеленые шаровары из тяжелого плотного шелка и светло-оранжевую рубашу с длинными широкими разрезными рукавами и стилизованным солнцем на груди. Добавив к одеянию несколько деревянных браслетов на предплечьях и прикрыв голову шелковой шалью, сняла завесу.

Дор Керц как раз в этот момент ставил размашистую подпись под заполненным договором. Я приняла бумагу из его рук и под насмешливым взглядом углубилась в чтение.

На первый взгляд все стандартно. Внесенный пункт о неразглашении и отметка о том, что суть оказываемой услуги была изложена на словах, также имели привычную формули-

ровку. Я вновь посмотрела на призывно мерцающий гранями камень и вздохнула, смиряясь с неизбежным. Ставя подпись под контрактом, не могла отделаться от ощущения, что делаю шаг в бездну.

Но контракт был скреплен, и я уже с чистой совестью накрыла задаток ладонью, чувствуя тепло живого камня. Потянулась к нему разумом и волей, почувствовала легкий радостный отклик и, прикрыв глаза, медленно вдохнула и также медленно выдохнула. А когда открыла глаза, мир вокруг изменился.

Это было странное ощущение. На душе вдруг стало легко и спокойно, даже несмотря на переросшее в твердую уверенность предчувствие скорых неприятностей. А сквозь вежливую улыбку Тай-ай-Арселя ясно проступил оскал бешеного бурия³. Сейчас я послушно заняла место в какой-то сложной многоходовой интриге, выпутаться из которой без потерь вряд ли получится.

Я сморгнула хрустальную чистоту окружающего мира и, убрав руку, машинально бросила взгляд на то место, где только что лежал камень. Мелькнула мысль, что его появление было видением, сном. Но в ответ на эти мысли изнутри пришел теплый едва уловимый отклик, будто в моей голове завелся кто-то еще – неразумный, ласковый, дружелюбный.

³ Бурий – семейный хищник сродни крупному волку; нечто среднее между шакалом и собачьим родом. Семья представляет собой пару взрослых особей (пары образуют на всю жизнь) с потомством и приبلудным молодняком и обычно составляет не больше десятка особей.

Непривычное чувство. Та искорка, которую я носила в кольце, не ощущалась вовсе.

Теперь при желании можно было материализовать камень обратно и даже сделать украшение: вся сила топаза уже перешла ко мне. Но столь явно демонстрировать ценное приобретение не хотелось.

– Пойдемте, экипаж ожидает, – поднялся с места дор, забирая свой экземпляр расстроившегося по заключении договора; типовая магия, их Материалисты так зачаровывают. Еще один останется у меня, а третий отойдет Дому Иллюзий для контроля и надзора.

Дор Керц играл в любезность. Он галантно открыл дверцу экипажа. Подал руку. Помог забраться внутрь.

Я бы даже сама себе позавидовала, наблюдай за этим со стороны: весьма эффектный мужчина, так и выющийся во круг не вполне подходящей ему особы. Если бы еще не знать, что из себя представляет этот кавалер!

Нет, на внешность я никогда не жаловалась – я яркая, эффектная, необычная. Но – беспородная, и рядом с таким мужчиной наверняка смотрелась смешно.

Даже понимая это, не могла отказать себе в удовольствии почувствовать себя настоящей леди. А почувствовав, произвольно окунулась в иллюзию, с Иллюзионистами часто такое бывает. Не знаю, как изменилось мое лицо, одежда удивительным образом осталась прежней, а буйные рыжие пря-

ди сами собой сложились в красивые локоны.

Наблюдательный спутник внимательно проследил произошедшую перемену и усмехнулся.

– Всегда интересно наблюдать за мастерами Иллюзий, – улыбнулся Тай-ай-Арсель, стремительным движением перемещаясь с противоположного сиденья ко мне. Узость рассчитанного на одного диванчика не позволяла разместиться вдвоем достаточно вольготно, особенно учитывая ширину плеч дора. Но того это не смутило, и правая рука оказалась на спинке позади меня. А левая, пользуясь случаем, скользнула кончиками пальцев по обводу скулы. В ответ на это почти невинное прикосновение по спине пробежали мурашки, а к щекам прилила кровь.

– Почему именно Иллюзий? – позволяя своему телу вольность, я подалась навстречу следующему прикосновению; теперь пальцы скользнули вниз, вдоль шеи.

– Вы так легко меняетесь. И никогда не угадаешь, где под всеми этими слоями настоящее лицо, и есть ли оно вообще...

– Любите загадки, дор Керц? – светски улыбнулась я.

– Люблю отгадки, – в тон мне улыбнулся мужчина. – И, пожалуйста, называй меня Дайрон. Ты же должна изучить меня получше, чтобы иллюзия была достоверной? Лейла Шаль-ай-Грас. Красивое у тебя имя.

– У тебя тоже... Дайрон, – невозмутимо приняла я правила игры. Главное правило иллюзий – видение должно со-

ответствовать ожиданиям. Дор знает, что его прикосновения будут приятны. У меня есть два варианта: смущение и ложь или откровенность и немного смелости. Второй опасен – танец на лезвии. Но первый куда хуже, потому что есть риск пробудить в Тай-ай-Арселе подлинный интерес. – И насколько хорошо ты хочешь быть мной изученным? – иронично хмыкнула я.

– Какая формулировка, – промурлыкал он, обдавая теплым дыханием ухо. – Как жалко, что у нас с тобой всего три дня. Но мы ведь начнем сразу?

– Да, конечно, – с придыханием проговорила в близкие губы мужчины. В этот момент экипаж дернулся, останавливаясь, и наши губы не соприкоснулись лишь чудом. – С балльной залы и прилегающих коридоров, – завершила я, отстраняясь.

Проводив меня взглядом, дор Керц рассмеялся.

– Желание дамы – закон, – шутовски раскланялся он и выскользнул в приоткрытую лакеем дверцу, после чего повернулся и помог выбраться мне. Экипаж, пропыхтев что-то на прощание, покатился к крытому навесу.

Хозяин не торопил меня, пока я с интересом озиралась, стоя на вершине широкой пологой лестницы. Высокий глухой забор, опоясывавший дворец и просторный сад, изнутри был невидим без всякой магии, такой эффект создавали плющ и деревья. Широкая подъездная дорога, посыпанная гравием, стрелой пронзала невысокий зеленый лабиринт.

Хитросплетения выложенных разными сортами мрамора дорожек создавали причудливый узор, обрамленный самшитом и можжевельником, а небольшие увитые плющом беседки и арки казались яркими цветами. Сколь дурная ни была у этого места репутация, при свете жаркого зимнего солнца оно выглядело весьма респектабельным произведением искусства.

Впрочем, как и сам дворец. Мрамор, цветами от молочно-белого до полночно-синего и от нежно-розового до багряного, был подобран с великим тщанием. Казалось, где-то внутри дворца садится солнце, озаряющее последними лучами пол и стены, тогда как витые купола башен тонут в наступающем мраке.

Во внутренних помещениях, куда провел меня дор Керц, жестом отпустив будто из воздуха возникших при появлении господина слуг, можно было также встретить все краски радуги. Но здесь цветовая гамма была более сдержанной, в каждой комнате доминировал лишь один оттенок, дополненный несколькими близкими тонами.

Мы миновали фиолетовую анфиладу, нырнули в неприметный коридор (неприметный на фоне всего остального великолепия, серо-стальной с вкраплениями алого – странное, но эффектное сочетание), свернули в еще один точно такой же, пересекли зеленую анфиладу и вдруг оказались на галерее, кольцом опоясывающей огромную двусветную бальную залу овальной формы.

Зала была великолепна. Белый мрамор, серебро и зеркала. Строгий элегантный фон, рама для роскошных витражей, расположенных в скатах высокого купола, и прелестных дам, которые вскоре будут кружиться здесь в танце с галантными кавалерами.

За все время пути от входа до галереи мы не проронили ни слова. Дор Керц не пытался расхваливать свой дом, он и так прекрасно видел, насколько меня впечатляет Закатный Дворец. Но также он не пытался отвлечь меня разговором или развлечь историями; и за это я была благодарна. С этим мужчиной вообще очень спокойно. Опасное заблуждение.

Холодный, расчетливый, страшный человек, которому хочется верить. Более того, ему хотелось *доверять*. По праву, ох по праву считается он одним из опаснейших людей Среднего мира!

– Ну как? Есть простор для фантазии? – мягко спросил стоящий позади мужчина, пока я, опираясь о балюстраду, внимательно разглядывала залу и в особенности потолок. Я в ответ медленно кивнула и не оборачиваясь спросила:

– Скажите, дор...

– Дайрон. Мне кажется, мы договорились, – перебил меня он.

– Да... Дайрон, скажи, а куда ведет парадный вход? – продолжила я, кивнув на высокие, в два света, ажурные бело-снежные двери.

– В фойе. Пойдем, я покажу, – не стал задавать уточняю-

щих вопросов хозяин дворца. Мне все больше и больше нравилось с ним общаться. А страх... уж что-что, а его я научилась прятать так глубоко, что и Владыки Иллюзий не найдут. Забавное сочетание: трусиха, до смерти боящаяся кому-то показать свой страх. Очень легко в такой ситуации прослыть отчаянно храброй сумасбродкой.

Мы немного прошли по галерее, спустились по неширокой винтовой лестнице, закрученной около мощной колонны, поддерживавшей купол. Белый мрамор десятка различных холодных оттенков складывался на полу в затейливый узор, какой далеко на юге рисует на окнах летний мороз.

Высокая створка двери, вблизи казавшаяся хрупкой, легко и бесшумно подалась под рукой Тай-ай-Арселя, выпуская нас на просторную площадку-балкон, с которой в длинное прямоугольное фойе сбегали две широкие пологие лестницы. Здесь безраздельно властвовала ночь, в зале господствовал темно-синий цвет, в глубоких зеркалах превращавшийся в непроглядную тьму. Позолота и мягкие приглушенные огни лишь оттеняли это полуночное величие, не позволяя ему стать мрачным.

– Она войдет через парадный вход, – медленно проговорила я, цепляясь за перила балкона и вглядываясь в глубину фойе. Станный эффект: подсознательно ожидаешь, что здесь должно быть темно, но при этом зала прекрасно освещена. – Сразу после заката, вместе со стелющимся по полу туманом. Сначала Ее не заметят. Она дойдет до лестницы,

когда лакеи у входа почувствуют легкий привкус жасмина и тлена, — в такт моим словам от входной двери показалась призрачно-белая, схематичная фигура, рассыпающаяся кло-чьями дыма. — Впуская ее в зал, двери скрипнут. Музыканты собьются с ритма, и все оглянутся, — фигура скользнула мимо нас, обдав могильным холодом. Двери за ее спиной, смыкаясь, издали звук, больше похожий на предсмертный стон. Вслед за фантазией я шагнула в зал, толкнув створку, которая действительно оказалась очень легкой. — Выйдя на середину зала, взмахнет рукой. Зазвучит совсем другая музыка, и Она заскользит в танце. Из угла под лестницей Ей навстречу выйдет Он. Изгибаясь в муках неразделенной страсти, Они начнут пляску. А потом, разбив вон те два витража, ворвется, несясь по воздуху, пестрая толпа. Хохоча, другие танцоры разведут Их в разные стороны. Она скользнет к тебе, Он в отместку схватит первую попавшуюся женщину... — хаотично метавшиеся по залу тени осыпались мелкой серебристой пылью. — А дальше все по сценарию, — скомканно завершила я, не желая прежде времени окунаться в безумие пляски.

— Отлично, — довольно прищурившись, улыбнулся дор Керц. — Для красоты витраж разобьем на самом деле. Не волнуйся, это от тебя не потребуется, — хмыкнул он. — Найдется, кому заняться. Ты будешь Ею? — обернувшись, мужчина притянул меня за талию ближе, повел в танце — властно, уверенно, не смущаясь отсутствием музыки. И снова я ловила

себя на ощущении уюта и спокойствия в этих объятиях.

Как просто влиять на человека через его инстинкты. Основное, самое эффективное воздействие. И как странно сейчас ощущать это воздействие на себе...

— Я буду туманом, — тело сделалось мягким и послушным, как тесто в руках опытного кондитера. Это было так заманчиво — отдаться порыву, поверить сильным настойчивым рукам, позволить перевести странный танец без музыки в иную плоскость, пусть бы даже на пол этой зеркальной залы. Мысли привычно расслаивались, наползая друг на друга, окутывая разум защитным пологом. И вот уже хозяин дворца кружит в танце высокую жгучую брюнетку с явной примесью крови Нижнего мира.

— Прячешься, кошка? — прошептал мужчина, остановившись так резко, что я врезалась в него, инстинктивно упершись ладонями в широкую грудь. — Прячься, теперь можно, — мягко, сыто улыбнулся Тай-ай-Арсель, размыкая объятия. А глаза по-прежнему были настоящими — холодными, цепкими. — Пойдем, провожу тебя до экипажа.

— Я прогуляюсь пешком, нужно заглянуть в квартал Часов, — вежливо, но твердо отказалась я. Он не стал настаивать, кивнул и вновь увлек в коридоры и анфилады, выводя из дворца.

Красивый. Уверенный. Спокойный. Предупредительный. Умный. Проницательный. Идеал, в который очень сложно не влюбиться.

Когда долго работаешь с иллюзиями, начинаешь бояться всего идеального.

По подъездной дорожке дор Керц проводил меня до самых ворот, своей рукой отпер неприметную калитку. Приобнял за талию, притянул к губам ладонь.

– Я жду тебя к полудню Солнцестояния, – напутствовал мужчина. И это, совершенно определенно, был приказ.

Прилично удалившись от Закатного дворца, я встряхнулась, сбрасывая личины, и, несколько замешкавшись на перекрестке, в самом деле нырнула в квартал Часов. Мысли и чувства находились в таком беспорядке, что справиться с этим в одиночку не получилось. Но рецепт от подобных состояний прост: несколько минут в обществе хорошего человека, которому можно доверять. Людей таких в этом мире было несколько, и один удачно жил неподалеку.

– А, Лейла, здравствуй, – услышала я, когда через незапертую дверь и короткий коридор прошла в единственное помещение дома, просторное и темное, как пещера. Склонность к такой организации пространства, – когда и спальное место, и ванна, и все прочее находится в одной комнате, – довольно частое явление среди Иллюзионистов. В любой момент можно разделить на комнаты любыми стенами и оформить в согласии с сиюминутным желанием. И при этом не нужно нарезать круги по коридорам от двери до двери, всюду можно пройти напрямик. – Присоединяйся.

Пирлан Мерт-ай-Таллер, мой хороший друг и наставник, сидел, скрестив ноги, на мягком пушистом ковре и пускал мыльные пузыри через соломинку. Пузыри, воплощение скоротечной фантазии и посторонних мыслей, получались причудливой формы и самых невообразимых цветов. Пирлан был свято уверен, что это – идеальный способ расслабиться, очистить разум и успокоиться. Резон в этой мысли был, и я, послушно плюхнувшись на ковер напротив хозяйки дома, вооружилась соломинкой. Первый же мыльный пузырь, похожий на морского ежа, на части иголок которого росли зубастые пасти, заставил Пирлана вздрогнуть и ошарашенно уставиться на меня.

– Куда ты вляпалась?! – растерянно воскликнул он.

– В неприятности, – понуро вздохнула я. Разглашать подробности контракта не могла, но распространяться о самом факте его заключения никто не запрещал. – Точнее – в Дайрона Тай-ай-Арселя.

– Тогда правильно говорить не «неприятности», а «беда», – покачал головой Пир, не глядя на меня и болтая соломинкой в чашке с мыльной водой. – Рассказывай, горе мое. Попробуем выпутаться, – велел наставник и поднес соломинку к губам. Глаза его были закрыты.

Много времени рассказ не занял. Я скрыла, как и велел дор Керц, только суть заказа, не утаив ни деталей процесса его заключения, ни размера гонорара. Топаз предъявила Пирлану, друг при виде него лишь задумчиво качнул голо-

вой и вернулся к пузырям. Рассказала я и про свои ощущения от общения с Дайроном – честно, искренне, целиком. Мне же нужен совет, а стесняться этого человека я перестала давно.

– М-да, дружочек, – вновь качнул головой наставник. – Как это все неприятно. И, самое главное, мало что от тебя зависело! У тебя был единственный шанс: отказаться его принять до того, как он представился, но для этого надо быть гениальным пророком. В остальном ты вела себя единственно правильно. Боюсь, совет только один: делай, что должна, и будь что будет. Иного выхода из ситуации нет. А вот моральную поддержку оказать могу, это всегда пожалуйста, – улыбнулся он. – Да и, когда все случится, может, помогу чем-нибудь. В конце концов, мое слово все еще что-то значит в Доме.

– Ты тоже считаешь, что все кончится плохо? – безнадежно уточнила я.

– Нет. Я считаю, что-то очень плохое *случится*, а вот чем это кончится – покажет только время. Лейла, за один такой камень можно убить, любой Иллюзионист пройдет по трупам. Ты об этом только догадываешься, а я такое видел. Мы, маги, зависим от этих камней, как это ни печально. Так что готовься и постарайся держать себя в руках, хорошо?

– Разумеется, – улыбнулась я.

– Кстати, вот еще мысль. Сходи-ка к пророчице, здесь неподалеку живет Акья Хмер-Ай-Таллер. Лунная улица,

дом с увитым плющом фасадом, то ли восьмой номер, то ли десятый, не помню. Скажешь, что от меня. Она сейчас уже редко кому гадает, но более талантливой я не встречал. Может, и посоветует что; или не посоветует, но хуже точно не будет. А вечером жду тебя у меня дома, будут гости. Отдохнешь, расслабишься. Я посылал весточку, но она тебя, видимо, не застала.

– Здорово! – искренне обрадовалась я. На душе действительно полегчало. Если до этого будущее казалось сплошной непроглядной тьмой, то теперь в ней будто вспыхивали золотистые искорки надежды на лучшее. Неоправданной, конечно, но так уж человек устроен, ему надежду только дай. – Тогда я сейчас к гадалке, потом забегу домой, а потом к тебе. Что-нибудь купить?

– Броженияцы⁴ можно, ее всегда мало бывает, – рассмеялся Пирлан.

Распрощавшись с другом до вечера, я вышла на улицу в неплохом настроении с привычным налетом легкой светлой грусти. Эта печаль была вызвана одной причиной: пониманием, что наши отношения никогда не перерастут во что-то большее. Потому что два сильных Иллюзиониста не уживутся под одной крышей в качестве супружеской четы или даже просто любовников, проверено веками. И в бытовом смысле не уживутся, и в магическом.

⁴ Брожения – легкий сладкий хмельной напиток из перебродивших фруктов, иногда с добавлением меда и пряностей.

Пир для меня эталон идеального мужчины – веселый, легкий, умный, заботливый и невероятно обаятельный. Но я уже привыкла, да и нельзя сказать, что я в него влюблена. Просто... хороший он. И с женщинами ему не везет почти так же, как мне с мужчинами.

Дом я, как и обещал наставник, узнала легко. Он действительно настолько плотно зарос плющом, что различить исходный цвет штукатурки не представлялось возможным. Равно как и узнать его номер, который тоже был похоронен под зеленью. Но странно: домик при всем при этом не казался запущенным. Наоборот, уютным, теплым и будто пушистым. Я только подошла к крыльцу, как распахнулась дверь, и из глубины дома на меня внимательно уставилась пара глаз. Из-за яркого уличного света на фоне полумрака прихожей я различила только их по отблескам света да белесую фигуру в какой-то мешковатой одежде.

– Проходи, – через пару секунд разрешила хозяйка и исчезла. Я робко шагнула внутрь, и дверь за спиной закрылась. Щурясь в попытках что-то разглядеть, я не торопилась прибегать к магии. Говорят, у пророчиц бывает очень странная реакция на обычные чары. Что-то связанное со структурой их дара и несовместимостью его с остальными направлениями магии. – Пойдем, – на запястье сомкнулись тонкие и не по-старчески сильные пальцы. Хозяйка потащила меня дальше, через тесный и захламленный коридор. В конце кон-

цов, обо что-то спотыкаясь и цепляясь одеждой и локтями, я вслед за женщиной выпала из коридора в комнату.

Мне никогда раньше не доводилось обращаться к пророчицам, и я понятия не имела, нормально ли то, что происходит, и обычна ли подобная обстановка для их домов. Но вдруг сделалось жутко.

Невозможно было определить размеры комнаты. Казалось, она уходит куда-то в бесконечность, а дверь за спиной – мираж. Свисающие с потолка полупрозрачные завесы едва колыхались в рассеянном слабом свете от неощутимого сквозняка, множась в бесчисленных зеркалах. По полу стелился белесый дым, создавая иллюзию отсутствия пола. Как просто: дым, зеркала и вуали. Никакой магии, а насколько эффективный обман восприятия!

Но наш путь на этом не закончился, и через несколько секунд я совершенно потеряла ориентацию в пространстве. Хозяйка что-то бормотала себе под нос, будто разговаривала с невидимым для меня собеседником. Потом старая пророчица резко остановилась и обернулась ко мне, сверля взглядом. Стало совсем уж не по себе, казалось, женщина вглядывается куда-то в глубинные слои моей души.

– Вот оно как, – медленно протянула она. – Значит, так и поступим. Помолчи! – вдруг резко воскликнула старуха, раздраженно глянув куда-то в сторону. Я вздрогнула и уже пожалела, что решила сюда наведаться. Ей же самой помощь нужна, причем помощь Целителей! Пророчица вновь прон-

зительно глянула на меня, усмехнулась. — Что, боязно, Песня Вуалей? — с непонятной злостью спросила старуха. — Смотри, во все глаза свои слепые смотри! — и она резко ударила меня двумя пальцами в точку между бровей.

Тени вокруг взвихрились, изгибаясь в безудержной пляске. Белые полотнища растрепал призрачный ветер, завывающий туман в смерчи. Отчетливый гул голосов нарушил тишину, он все нарастал и нарастал, пока не стал оглушительным, но я не могла разобрать ни слова. Из зеркал вдруг пропала и я, и пророчица, осталась только пустая комната; эта ли или вовсе иная, где-то в другом измерении? Мир поплыл, закружился, и я пошатнулась, пытаюсь уцепиться за дым и преломляющиеся в бесконечных отражениях занавеси, но на предплечье капканом сомкнулись жесткие костистые пальцы. В следующее мгновение все было как прежде — тьма ютилась в дальних углах, дым стелился по полу, а зеркала отражали комнату — и нас в ней. Запоздало накатило ощущение потусторонней жути: я не могла понять, реальность видела пару мгновений назад или иллюзию. Привычный застарелый страх — страх заблудиться в закоулках фантазий — вновь всколыхнулся, но старуха не позволила увлечься фантазиями.

— Вот оно как, — с расстановкой проговорила она. — Со смертью тебе рука об руку идти, Песня Вуалей, по пути, отмеченному кровью. Со всеми твоими страхами встретиться, с надеждой истлевшей, с предательством, с чужой волей и

еще одной волей. И будут они швырять тебя как песчинку, тянуть и кроить под себя. Меж двух жерновов тебе выживать, а получится, нет ли – про то не ведаю. А что делать... Когда спрашивать будут – правду говорить. Правда, она тебе одна помочь может. Правда и кровь. А когда взлететь придется – ветру верь и себе. Ветер, он поможет. Ну что смотришь? Спрашивай.

– А почему вы называете меня Песней Вуалей? – робко поинтересовалась я.

– Карта такая. Мастерница иллюзий, актриса, неуловимый дух, греза, – проворчала старуха и вновь повела меня сквозь зеркала и занавеси. – Больше ничего не спросишь? – с непонятной иронией уточнила она.

– То, что мне действительно интересно, вы или не знаете, или не расскажете. Зачем спрашивать что-то еще? – Пожала плечами.

– Приятно иметь дело со знающими, – хмыкнула пророчица и втощила меня в коридор. Вновь пробравшись между бесформенных нагромождений непонятно чего, мы оказались перед дверью, и жесткая рука женщины, схватив меня за плечо, выпихнула на крыльцо.

– О крови помни, Песня Вуалей. Она причина, она же – средство, – прилетело в спину. Но обернуться и уточнить я не успела: хлопнувшая за спиной дверь ясно говорила о том, что аудиенция окончена.

Я медленно спустилась по ступеням и побрела в сторону

дома, оглядываясь по сторонам в поисках экипажа.

Тот факт, что у пророчицы явные проблемы с головой, не вызывал сомнений. И было непонятно, как расценивать ее слова: воспринять всерьез или забыть как плохой сон. Рекомендация Пирлана дорогого стоит, но мог же он именно сейчас ошибиться!

С другой стороны, а что такого важного сказала мне эта сумасшедшая? Две силы. Одну из них я могу назвать с ходу: дор Керц, конечно. А все остальное... Я же и так догадалась, что оказалась частью какого-то замысла. А чем ближе к трону, тем интриги опасней и жестче, и нечего удивляться вероятной встрече со смертью. Утешает только, что моя собственная гибель не является неизбежным финалом.

Слова про кровь, которая является причиной и средством, тоже мало что дают, кроме мыслей о заговоре с целью государственного переворота: все-таки в жилах Тай-ай-Арселя течет императорская кровь. А тот факт, что она может быть средством, и вовсе не удивляет в свете угрозы встречи со смертью.

Единственная достойная внимания рекомендация, говорить правду, была слишком расплывчата, чтобы слепо ей следовать. Кому говорить правду? Дайрону? Спасибо, но мне дорога жизнь.

Ложь – единственная броня Иллюзионистов, опасная в том числе и для хозяина. Расстаться с ней, быть откровенным, – это противоречит самой нашей природе. И уж точно

я не собиралась лишаться ее в общении с дором Керцем: он явно мой враг или по меньшей мере противник, а не один из кровников.

Кровники – это люди, связанные крепчайшими узами. Друзья, которые хорошо тебя знают и могут вовремя заметить опасные перемены. Подобную связь придумали уже давно, и для многих магов она стала настоящим спасением. Кровники чувствуют настроение и эмоциональное состояние друг друга, не те эмоции, которые мы показываем случайным свидетелям, а те, которые испытываем на самом деле. В случае Иллюзионистов эти самые эмоции запрятаны глубоко-глубоко внутри. Это, конечно, не панацея, и иногда даже они не способны распознать надвигающуюся катастрофу, но обычно это неплохо работает, особенно если кровники обладают разной силой.

Меня с Пирланом связывают именно такие узы. И еще с несколькими людьми, которые сегодня вечером придут к нему в гости. У Пира, как у учителя по призванию, очень много кровников, около трети учеников, если быть точной. К счастью, чувствовать можно только тех, кто находится в зоне прямой видимости, иначе, полагаю, ему было бы очень трудно жить.

Весь путь до дома я терзалась мрачными мыслями и неопределенностью. А добравшись до цели, решительно прошествовала сразу в ванную. Лучшее средство придания ясности уму и бодрости телу – прохладный душ. Не ледяной,

я очень не люблю холодную воду, а именно прохладный, чуть ниже комнатной температуры. Можно даже не душ, порой хватает просто сунуть под кран голову, но сейчас этого явно было недостаточно.

Мысли о собственной судьбе соседствовали во мне с опасными и лишними воспоминаниями о Дайроне Тай-ай-Арселе. Последнее было, с одной стороны, понятно и объяснимо, но, с другой, пугало. Все-таки дор Керц – весьма эффектный мужчина, знающий, как увлечь любую женщину, а я не могу назвать себя искушенной в любовных играх. И предательское тело до сих пор чувствовало прикосновения, а зараза-фантазия рисовала, что могло бы случиться, не оказись я столь осмотрительной. Одно радует: тренированный разум Иллюзиониста не даст мне безоглядно и сумасбродно влюбиться в этого человека. Даже если какое-то чувство посмеет родиться, я вполне способна его со временем задушить. Выжить бы для начала.

К счастью, душ сделал свое благое дело. Тщательно просушив волосы полотенцем, я, не расчесывая, кое-как собрала влажные пряди в косу и пошла одеваться. Гардероб у меня небогатый, но каждый раз я почему-то мучаюсь с выбором. Потянувшись было за своими повседневно-рабочими шароварами (в магазин добежать, с друзьями посидеть дома) в серо-серую (одна темная, другая чуть светлее) полоску, вдруг передумала и почему-то решила быть сегодня яркой. Поэтому остановилась на изумрудно-зеленых хлопковых штанах

(у меня вообще много зеленых вещей – это мой любимый цвет, хоть я не целитель) и жемчужной рубашке с травянистым вышитым узором вдоль ворота (сама вышивала!).

Дополнив все это белой шалью, я прихватила удачно оставшуюся с прошлых посиделок пару кувшинов любимой яблочной брожения и выскользнула на улицу.

У нас женщины не выходят на улицу с непокрытой головой. Не то чтобы это было запрещено или зазорно, просто – не принято, а мне к тому же идут платки и косынки. Да еще солнце припекает очень ярко, особенно зимой, поэтому и мужчины редко брезгают головными уборами.

Вот так, с кувшинами в руках – один на плече, второй с другой стороны в охапке, – я и двинулась в гости к учителю. Смотрелось, должно быть, довольно забавно, хоть сейчас картину пиши с избитым названием.

Подтверждение мыслей об эффектности образа пришло довольно быстро. Стоило попасть в поле зрения стайки туристов-северян – четыре женщины в длинных платьях сложного кроя и странных шляпках, пара мужчин, затянутых в узкие пиджаки и штаны, – как они о чем-то взбудораженно зашептались, глядя на меня и дергая за рукав своего проводника. Тот долго не мог понять, что им от него надо, но, когда я уже прошла мимо, сообразил и окликнул меня.

– Госпожа, пожалуйста, постойте! – учитывая, что на неширокой пешеходной улице сейчас больше никого нет, глупо делать вид, что обращаются не ко мне. Поэтому я,

вздыхнув о несбывшемся, остановилась и обернулась. Надо было сразу, как только заприметила эту группу, свернуть на соседнюю улицу.

Я не слишком люблю туристов. Вернее, не совсем так, я к ним безразлична, а их наряды забавляют и вызывают жалость. Тесные женские платья с пыточными приспособлениями под названием «кольцо», которое принято затягивать до невозможности нормально вдохнуть, эти многослойные мужские одеяния, порой с теми же «кольцами»... Лет двадцать назад у нас случилась повальная мода на эти наряды, но хватило ее ненадолго. Все же не с нашей жарой так утягиваться. Остались только узкие мужские брюки и рубашки, в каких утром щеголял дор Керц. Ну, еще сапоги, но их научились делать великолепного качества, такими, что в них не жарко.

– Да, господин? – вежливо кивнула я. – Что вы хотели?

– Понимаю, что задерживаю вас и отвлекаю, – виноватым голосом ответил молодой человек. – Но эти люди – гости нашего города, и ваш внешний вид, особенно ваши кувшины, привели их в экстаз. – Он развел руками и обезоруживающе улыбнулся, отчего веснушки на лице будто засветились. Я не смогла удержаться от ответной улыбки. – Можно им сделать несколько магографий? С вами и с кувшинами.

– Только если недолго, – со вздохом согласилась я. Почему бы не поработать достопримечательностью, в самом деле! Туристы восторженно затараторили, когда проводник с

жутким акцентом перевел мои слова на сионский. Я, не вслушиваясь в лепет, миролюбиво улыбалась и покладисто принимала позы, в которые меня жаждали поставить. К счастью, сионцы (если это были они) за рамки не выходили, и дело ограничивалось «поставить один кувшин», «взять оба кувшина в руки», «встать рядом с вот этой женщиной», «дать этой женщине кувшин». Я лишь надеялась на то, что ни одна из светлокожих белокурых дам не уронит кувшин и что брожения не слишком нагреется.

Наконец, когда две самые молодые девушки, возвращая мне имущество, громко заспорили, масло ли в кувшинах или я иду от колодца с водой, я, едва сдерживая смех, решила заканчивать бесплатный аттракцион и на сионском (у магов очень разностороннее образование) любопытствовала:

– А зачем мне в городе колодец?

Эффект был чудесный. Дамы постарше и мужчины растерянно замерли, а девушки испуганно переглянулись.

– Ну... А как же воду носить?

– Для этого у нас две тысячи лет как водопровод есть, – я наивно улыбнулась. А то я не знаю, что северяне всех остальных считают за варваров. – А вы до сих пор мучаетесь со скважинами? – продолжила недоумевать и изображать наивную простушку я. – О, тогда вашим градоначальникам следует обратиться к нашим Материалистам и инженерам, они с радостью помогут! Хотите, я подскажу, как добраться к Дому Материи?

– О! Нет, спасибо... извините... спасибо... нет необходимости, – забормотали деморализованные туристы.

– Как скажете, – пожала плечами я. – Хорошего отдыха. – Кивнув туристам, я улыбнулась, еле заметно подмигнула с трудом прячущему улыбку проводнику и отправилась дальше своим путем. Кажется, проводник все-таки заметил на моей руке кольцо мага-Иллюзиониста.

Наверное, это нехорошо, но я чувствовала мелочное удовлетворение от неожиданной встречи и того, как удалось щелкнуть сионцев по носу.

Дальше дорога до дома Пира проходила без каких-либо трудностей и приключений, в охотку. Жара к вечеру несколько спала, и уже не было ощущения, что заходишь в печь или жерло вулкана. Я потому и предпочла прогуляться пешком.

Размеренный ход событий нарушился уже на пороге дома наставника. Захлопнутая дверь открывалась наружу, а руки мои были заняты. Отчего-то не догадавшись поставить свою ношу на землю, я, балансируя на одной ножке, пыталась пристроить на приподнятом бедре оба кувшина, чтобы повернуть ручку. И как раз в этот момент за спиной раздался тихий, жутковато-хриплый голос.

– Вам помочь?

Естественно, от неожиданности я дернулась и заметалась, пытаясь удержать верткие кувшины. И не удержала бы, но обладатель так напугавшего меня голоса оказался достаточ-

но прытким, чтобы спасти один из сосудов от падения, а второй я крепко сжала в охапке.

– Спасибо, – облегченно проговорила, когда незнакомец выпрямился и я смогла его разглядеть.

И замерла, не в силах ни вдохнуть ни выдохнуть.

Я знала эти глаза. Карие, темные, с легким прищуром, под нахмуренными бровями.

Тяжелая челюсть, чуть кривоватый нос, тонкие суровые губы.

Короткие совершенно черные волосы.

На меня смотрела картинка десятилетней давности. Пропал без вести. Признан погибшим. Награжден посмертно...

Я тогда рыдала два дня. Полгода с замиранием сердца ждала каждой новой газеты, еще какое-то время все никак не могла поверить, что он действительно умер.

Я умудрилась по-настоящему влюбиться в портрет незнакомого мага в газете.

Молодые маги, примерно с тринадцати лет до шестнадцати, очень эмоционально нестабильны, куда больше, чем обыкновенные подростки. Особенно девушки. Особенно Иллюзионисты. Но этой своей неожиданной любовью я умудрилась удивить даже многое повидавшего Пира, тогда еще, конечно, бывшего никаким не Пиром, а очень даже наставником мастером Мерт-ай-Таллером.

Ту любовь я пережила очень болезненно и с тех пор принципиально перестала читать газеты. Впрочем, с остальными

влюбленностями мне везло не больше, если даже не меньше. Штабс-капитан императорской армии хотя бы ничем не обидел меня, кроме собственной смерти.

Я вдруг вновь почувствовала себя пятнадцатилетней девочкой, наткнувшейся в кабинете наставника на открытый разворот газеты и замершей над плохого качества изображением, с которого на меня смотрели проницательные глаза и хмурились темные брови.

– Госпожа, вы в порядке? – вскинуло брови материализовавшееся воспоминание, махнув у меня перед лицом рукой. От мыслей о галлюцинациях и неизбежной в связи с ними панической атаки (видения у Иллюзиониста – это *очень* плохой знак) меня спас кувшин. Он остался цел, а если бы это было видением – непременно разбился. К счастью, дальше цепочка размышлений выстроиться не успела, а то я бы додумалась, что и кувшин на самом деле разбился, а я не заметила, или и вовсе никакого кувшина не было...

Стоило немного отойти от шока, и страх отступил окончательно: нашлись отличия той картинки и сегодняшнего видения. Видение было старше, у видения на лице появились преждевременные морщины, шею пересекал жутковатого вида шрам, да и одето видение было по-другому. Вместо военной формы – черные брюки с тяжелым ремнем, свободная черная же рубашка, высокие ботинки на шнурках и, разумеется, неразлучный с Разрушителями металл⁵. Даже на

⁵ Камень Разрушителей – бриллиант, но природа оставила для них лазейку,

вид тяжелые широкие браслеты, больше похожие на наручи старинных доспехов, массивная пряжка, заклепки на ремне, несколько висящих на боку цепей, виднеющаяся в расстегнутом вороте цепь на шее.

«Как ему только не жарко в черном?» – подумала я и протянула руку, чтобы коснуться его плеча и убедиться, что штабс-капитан Зирц-ай-Реттер материален.

Впрочем, тот оказался быстрее. Кажется, решил, что я собираюсь упасть в обморок, и поспешил придержать за плечи, заодно отодвигая от двери и открывая ее. Мужчина удерживал кувшин за горлышко, и ему вполне хватало длины пальцев, чтобы повернуть ручку и потянуть дверь на себя.

В этот момент я наконец совершенно очнулась и выдохнула:

– Нет, все в порядке, господин, я от неожиданности.

– Прощу, – отпустив мои плечи, он сделал приглашающий жест в сторону дверного проема.

Я вцепилась в кувшин обеими руками, прижала его к себе и не оборачиваясь двинулась вперед, не сразу сообразив, что Пир поставил стены. Сквозь одну из которых я и проскочила.

– О, а вот и Лейла, – радостно провозгласил Фрей и кинулся ко мне обниматься.

– Привет, – машинально поздоровалась я, отвечая на объ-

позволяющую обходиться без этого гораздо более редкого, чем прочие, минерала. Любой металл в идеале – железо или сталь, оказывает на них то же стабилизирующее воздействие, что и камень, только необходимо его значительно больше.

ятия. – Пир, а я сейчас на входе...

– Здравствуй, Пир, – прервал меня все тот же тихий хриплый голос.

Наставник, обернувшись к вошедшему, так и замер с не донесенной до рта кружкой.

– Гор?! – недоверчиво воскликнул наставник. – Да неужели ты наконец-то решился?!

– Вечер свободный выдался, решил заглянуть, – нервно дернул головой Разрушитель. – Но, вижу, не вовремя, у тебя гости. Я потом зайду, – он чуть улыбнулся уголками губ.

– Нет, постой! – засуетился, подскакивая с места, наставник. – Я уж и надеяться перестал, что ты соберешься наконец с силами! Что мне тебя, еще пять лет ждать? Садись, не съедят тебя мои ученики, – и он, схватив гостя за предплечье, подтащил его к низкому столику, вокруг которого на подушках сидели мои друзья, в полном недоумении переглядывавшиеся между собой. – Ребята, знакомьтесь. Дагор, мой, пожалуй, первый в этой жизни кровник, – с шальной, какой-то диковатой улыбкой отрекомендовал Пир. – Гор, а это мои ученики и просто друзья: Данаб, Фарха, Бьорн, Хаарам, – представил он сидящих на полу. – Девушку, с которой ты столкнулся в дверях, зовут Лейла, а рядом с ней – Фрей.

– Очень приятно, – тихо ответил он, неловко усаживаясь на циновки рядом с хозяином дома.

Поначалу чувствовалась определенная натянутость. Все настороженно косились на незнакомца, я с недоумением по-

глядывала еще и на Пира, очень желая задать ему пару вопросов наедине. Дагор угрюмо молчал, попивая броженицу из предложенного стакана, и глядел куда-то в пространство, а скорее, в себя. Пир натужно пытался разрядить обстановку, но получалось плохо.

В итоге всех спас Фрей, наш незаменимый балагур. Он вовлек в оживленный спор Хаарама, традиционно принялся донимать Фарху. Естественно, Пир тотчас подключился, он всегда сердился на своего несерьезного воспитанника за подобное поведение в отношении девушки. Все, кроме Фархи, догадывались или точно знали, что Фрей безнадежно влюблен в черноокую Целительницу лет с пятнадцати. Та же искренне полагала, что Иллюзионист играет в чувства и на серьезность не способен по определению.

Главным недостатком Фрея Шор-ай-Трайна и препятствием на пути к сердцу прекрасной Целительницы была несдержанность в общении с противоположным полом. Природа наградила его весьма обаятельной и симпатичной наружностью и великолепно подвешенным языком, так что от недостатка женского внимания Фрей не страдал никогда. Он любит поддевать окружающих, порой заигрывается и не может остановиться, не чувствуя границы между шуткой и издевательством.

Впрочем, на симметричные ответы в свой адрес реагирует с восторгом, радуясь возможности поупражняться в остроумии. Если собеседнику удастся поставить шутника на ме-

сто так, что ему нечего ответить, преисполняется к нему громадного уважения, но такое случается редко. Впрочем, когда Фрей не перегибает палку, он идеальный друг. Умеет выслушать, дать толковый совет, всегда поддержит и словом, и делом. При общей феноменальной болтливости никогда не разглашает чужих секретов и является, как ни странно, довольно скрытным человеком. И вот такой он – гораздо более настоящий.

Шор-ай-Трайн производит впечатление эдакого «золотого мальчика», беззаботного и пустого, но это лишь иллюзия. Самые большие шутники очень часто имеют непростую судьбу, и Фрей не исключение. Когда ему было восемь лет, на войне погиб его отец, и мальчишка остался с больной матерью и двумя маленькими сестрами. Взвалил на себя ответственность за семью уже в этом возрасте, приняв как данность тот факт, что остался единственным мужчиной. Умудрился получить стипендию, при этом подрабатывая, где только возможно; разносил газеты, мыл тарелки в дешевой забегаловке, одновременно служа поддержкой и опорой семье. Находил время заботиться о сестрах и матери, ни гроша из заработанных денег не тратя на себя. К счастью, сейчас жизнь нашего балагура наладилась, и зарабатывает он весьма неплохо. Еще бы с Фархой у них все сложилось!

Отвлечься от веселой болтовни было нетрудно. Уткнувшись в свою кружку, я пыталась анализировать ситуацию, прикрывшись медитативным спокойствием. Знакомство Пи-

ра со штабс-капитаном Зирц-ай-Реттером, причем настолько давнее и близкое, стало для меня не открытием – полным шоком. Ни словом, ни полсловом он не обмолвился об этом за все годы. Умом я понимала, какими резонами руководствовался наставник: всеми силами пытался помочь мне забыть человека, которого не было в живых. Но при этом в глубине души занозой засела детская обида.

А еще я понятия не имела, как реагировать на внезапное воскрешение своей детской влюбленности. Что там, реагировать; я до сих пор не могла разобраться в собственных эмоциях. Наверное, пока не улягутся первые впечатления, не стоит и пытаться. Да и потом, какие вообще могут быть эмоции? Это было десять лет назад, от той давней влюбленности ничего не осталось! Просто шок и удивление.

Мы – Иллюзионисты. Лучше всего в этой жизни мы умеем убеждать себя в чем угодно.

Через некоторое время я сумела взять себя в руки, успокоиться и включиться в разговор, а все размышления о неожиданно воскресшем штабс-капитане свелись к желанию поговорить наедине с Пиром. Я уже не собиралась предъявлять ему претензии, просто хотела удовлетворить собственное любопытство.

А потом мне вовсе удалось расслабиться и получить удовольствие от вечера.

Постепенно ребята начали расходиться. Первой засобира-

лась Данаб, да оно и понятно, наша миниатюрная рыжеволосая красавица спешила к маленькой дочке, оставленной с отцом. Да и проводить вечер в компании, когда все пьют броженицу, а тебе в «интересном положении» остается лишь фруктовый сок, наверное, не слишком весело. За ней – Фарха, рабочий день которой начинался на рассвете; хорошо, что я не Целитель, не люблю так рано вставать. Разумеется, Фрей навязался ей в провожатые, а Хаарам уговорил Бьорна продолжить развлечения в более располагающем к широкому разгулу месте.

– Лейла, а ты пойдешь? – поднимаясь с подушки, предложил Бьорн. – Мы бы тебя проводили, поздно уже.

– Я хотела с Пирланом с глазу на глаз поговорить. Пир, ты не против? – я перевела взгляд на хозяина дома.

– Вообще, я собирался поговорить с Дагором, – смущенно ответил наставник. Кажется, он прекрасно понимал, что я намерена обсудить, и всячески пытался уйти от неприятной темы.

– Мне, в общем-то, тоже пора... – попытался протестовать Разрушитель.

– Ничего, мы быстро! – одновременно проговорили мы с наставником.

– Давай выйдем в коридор, а ты тут сиди, никуда тебе не пора, – вздохнул Пирлан.

Мы вчетвером вышли, для разнообразия пользуясь дверями, и выпроводили лишние уши за дверь. Упорные, они

пообещали ждать меня на улице до победного.

– Ты ведь догадываешься, о чем я хотела поговорить? – вполголоса спросила я, сдерживая улыбку. Уж очень потешно выглядел наставник с виноватой гримасой на лице.

– Догадываюсь, – вздохнул он. – Лейла, прости, но я поступил так, как было надо в тот момент. Скажи я, что Гор – мой хороший друг, это вряд ли помогло бы...

– Пир, постой, – перебила я его. – Я не сержусь. То есть немного обижена, но все понимаю. Я хотела полюбопытствовать, как давно он воскрес. И он что, всегда был такой угрюмый? Я просто никогда раньше не общалась с Разрушителями.

– В конце войны. Он всегда был молчаливым, но плен его здорово... покалечил. Сейчас, впрочем, все не так плохо, он выздоравливает. Лейла, а ты сама как? – тихо пробормотал он, настороженно поглядывая на меня.

– Ну что ты глупости говоришь, как будто не видишь? – улыбнулась я. – Я просто удивилась и перепугалась, решила, что галлюцинации. Сначала хотела расспросить тебя о нем подробнее, но сейчас понимаю, что это не мое дело. Так что пойду, пожалуй. Удачи тебе в реабилитационных мероприятиях!

– погоди, а что сказала пророчица?

– Глупости, – поморщилась я. Но видя, что Пир так просто не отстанет, ответила более развернуто: – Нагадала встречу со смертью, порекомендовала говорить правду, но я так и не

поняла кому. В общем, толку мало.

– Очень жалко, я рассчитывал на большее, – грустно кивнул Пирлан. – Ладно, не унывай, все будет хорошо!

– Не сомневаюсь. Иди отдыхай, я и так загрузила тебя своими проблемами.

– Кровники на то и существуют, – махнул рукой наставник. – Ладно, беги.

Обняв мужчину на прощание, я вышла на улицу.

– О чем вы там беседовали? – промурлыкал Хаарам, принимая меня за талию.

– Друг мне этот понравился, просила познакомить поближе, – серьезно ответила я. Увидев, как вытянулись от удивления лица друзей, рассмеялась: – Да вопрос у меня к нему был, по новому заказу, хотела проконсультироваться. А тип и правда интересный, я никогда раньше Разрушителей так близко живьем не видела.

– Радоваться надо, – хмыкнул Хар, все еще излучая недоверие. – Разрушители – это не те люди, чью компанию можно назвать приятной.

– Удивительно, но сейчас я с ним согласен, – подал голос Бьорн. – Мало того что от их магии в дрожь бросает, их профессиональная психологическая деформация куда неприятней, чем у всех прочих. Вы вот притворяетесь, а они саморазрушаются и разрушают все эмоционально-психологические связи. Кровники им, пожалуй, нужны сильнее, чем всем остальным.

– А ты точно не хочешь с нами? – провокационно поинтересовался Хаарам, продолжавший все это время обнимать меня за талию.

Нахал. Ну, конечно, сразу не отогнали, так зачем самому отказываться от возможности?

Впрочем, я лукавлю. Хаарам, конечно, наглец, но наглец... ненавязчивый, что ли? Он очень нахально или, лучше сказать, самоуверенно ведет себя с девушками, но непостижимым образом умудряется чувствовать ту грань, когда его поведение очаровывает и еще не раздражает. Поэтому его всеобъемлющее и окутывающее подобно запаху дорогих благовоний внимание всегда льстит женскому самолюбию, и я, конечно, исключением не являюсь. Отличает от большинства знакомых Хара меня только отсутствие иллюзий и понимание: эти улыбки, объятия и легкие волнующие поцелуи на грани приличий, в щечку или кончики пальцев, не значат ничего. Он просто привык так общаться с девушками.

– Нет, Хар, – с сожалением отказалась я. – Слишком много работы, заказ сложный, а времени мало. Пока я спокойна и собрана, надо хотя бы набросать основу.

– Что же это за заказ такой?

– Не могу сказать, – вздохнула я. – Подписала договор о неразглашении, – пояснила, виновато пожав плечами.

– Иллюзионисты начали выполнять секретные заказы для Венца?⁶ – иронично улыбнулся Бьорн.

⁶ Имеется в виду императорский венец, символ верховной власти.

– Почти, – хмыкнула я. Не совсем для Венца, а для одного из первых претендентов на него в случае – не дайте, конечно, боги! – внезапной гибели императора.

– Лейла, ты, главное, в случае чего не забывай про своих кровников, – вдруг очень серьезно прогудел Бьорн своим солидным басом.

– В смысле? – настороженно уточнила я.

– В смысле, мы тебя всегда поддержим. В любой ситуации. Тебе есть кого просить о помощи.

– О помощи с чем? – Нет, я догадываюсь, на что он намекает. Но... как узнал? Откуда? Вряд ли Пир кому-то проболтался. Не то чтобы я жаждала скрыть все от друзей, просто не хотела расстраивать по пустякам. Тем более ничего столь ужасного пока не случилось. И, если Инина⁷ приласкает, не случится.

– Да так, в общем, – пожал могучим плечом Бьорн.

Больше мы тревожной темы не касались, хотя Хаарам порой поглядывал на меня с задумчивым интересом. Болтали о

⁷ Инина – богиня судьбы и удачи, изображается в виде женщины без лица, держащей в руках две маски, одна из которых улыбается тепло и ласково, а вторая – насмешливо и зло. По поверью, человек, увидевший настоящее лицо Инины, получит безраздельную власть над богиней, поэтому изображать ее лицо запрещено. Нарушение запрета карается очень жестоко, порой – смертью. Считается богиней Иллюзионистов. Цвет – зеленый, одновременно обозначающий и радость жизни, и уныние, в зависимости от оттенка. В противовес Асиду (богу смерти), определяющему, когда человеку жить, когда умереть, и определяющему наказание или поощрение по результатам, Инина сопровождает и плетет жизненный путь человека, одаривая или испытывая его по своему усмотрению.

чем-то постороннем, а часть времени просто молчали. Я шла посередине, взяв мужчин за руки, и чувствовала себя удивительно легко. Так, наверное, ребенок рядом с родителями чувствует себя маленьким центром мира, которому ничто не может угрожать.

По сравнению с ними, особенно с Бьорном, я и со стороны выглядела ребенком.

Этот человек, происходящий из семьи потомственных офицеров, внушает всем незнакомым людям ужас и трепет. Огромного роста, с широченными плечами, мощный и при этом удивительно ловкий. Его суровое лицо с рублеными чертами может показаться красивым только тому, кто видит красоту в южных ледяных морях и их промерзших до самого Нижнего мира безжизненных прибрежных скалах, омытых седыми волнами.

Что никого не оставляет равнодушным в облике Бьорна, так это его великолепная коса настолько яркого рыжего цвета, что боязно дотронуться до нее рукой – того гляди, обожжет. Толщиной, между прочим, с две руки и длиной до пояса; на зависть многим девушкам, включая меня. По родовому обычаю Берггаренов молодые мужчины не стригут волосы до появления сына. Когда наследнику исполняется три года, отец состригает косу и мать плетет обережный пояс из специальных нитей и этих волос. Мать же «жертвует» по пряди волос каждому ребенку, не только старшему, и делает из них «детские» обереги, которые защищают малышей с

самого рождения.

Вернее, обычай этот существует не только в их роду, он довольно распространен на их исторической родине, в Халлее. Предок Бьорна уехал оттуда в связи с какой-то мутной околполитической историей лет триста назад, и с тех пор Берггарены верно служат новой присяге.

– Ладно, господа, я вас покину. Спасибо, что проводили, – улыбнувшись, я по очереди чмокнула друзей в подставленные щеки. – Пойду думать.

– Не перестарайся, – усмехнулся Хар. – Я к тебе завтра загляну, есть дело.

– Конечно. Хорошего вечера!

Ночь я просидела, углубившись в подсчеты и размышления. И это к лучшему – неприятные мысли и предчувствия не то чтобы совсем оставили меня, но осели в дальних углах сознания, вытесненные более насущными переживаниями. Я, прекратив преждевременные стенания по безвинно загубленной жизни, вдумалась в смысл поставленной передо мной задачи и ужаснулась.

Объем работ, который предстояло выполнить меньше чем за трое суток, был чудовищен. Однако интересная задача всерьез захватила меня, несмотря на суеверный страх перед Вечным Странником и его недостижимой возлюбленной.

Историю, а вернее, сказание о Безумной Пляске я знала отлично, как, впрочем, любой коренной обитатель Южной

Земли⁸. Согласно легенде, Вечный Странник однажды влюбился в смертную девушку. Та была то ли танцовщицей, то ли лицедейкой, то ли просто беззаботной дочерью любящих родителей. Она была прекрасна, юна и невинна, но что ожидало ее подле самого страшного из богов, способного принести смертным лишь ужас и муки? Говорят, Страннику так отомстила за оскорбление жестокая шалунья Глера⁹; иначе никак нельзя объяснить столь внезапное и сильное чувство сурового и лютого божества к обычной, в сущности, девуш-

⁸ Один из трех мировых континентов. Южная Земля и Северная Земля находятся на одной стороне Среднего мира, соответственно в Южном и Северном полушариях. Эти два материка поделены между множеством государств и неплохо исследованы. Третьим континентом, расположенным в экваториальной части оборотной стороны планеты, является Дальняя Земля; там попадаются человеческие поселения, в основном на побережье, но континент почти не изучен.

⁹ Глера – богиня многоликой любви и страсти. Не только любви между мужчиной и женщиной, но любви к себе, к детям, к родине, к родителям; страсти плотской, страсти познания и азарта заядлого игрока. Противоречивая, как все женщины, она то выступает самой верной из жен, то – ветреной взбалмошной девицей, влюбчивой как кошка и мстительной как кинак. Имеются у нее два противоречивых символа, паучиха и бурий: первая как образец жестокости и мстительности, второй – как эталон верности и самопожертвования во имя любви. Хотя самый любимый и применимый атрибут – все-таки паутина или сеть. Глера всегда изображается либо с растянутой между растопыренными пальцами паутиной (которую, к слову, плетут специально прикармливаемые при храме пауки), либо плетущей рыбацкую сеть, либо в эту самую сеть завернутой. В остальном же бывает или совершенно обнаженной или, напротив, закутанной в множество слоев ткани, под которыми теряется образ. Кроме того, даже возраст ее не имеет определенной величины: это может быть совсем юное воздушное дитя, может быть роскошная женщина, а может быть желчная старуха. Ее цвет – желтый, цвет солнца и песков.

ке.

Зимний солнцеворот, равно как солнцеворот летний и дни равновесия (иначе говоря, равноденствия), – крупные праздники не только для смертных, но и для богов, и для всевозможных нелюдей.

Летний солнцеворот – страшное время, когда можно за-просто стать жертвой шутки опьяневшего божества или расшалившегося волшебного существа. В этот день люди не выходят на улицы без масок, и считается правильным менять маски по меньшей мере дважды в день. Тогда, по поверью, нечистые намерениями высшие и стихийные силы не успеют всерьез заинтересоваться и навредить.

В день зимнего же поворота года все несколько спокойней, это веселья людей. В это время даже боги обязаны соблюдать законы мира смертных. Хотя маски являются столь же неотъемлемыми частями праздника. Только если в летний солнцеворот личина должна быть максимально далекой от человеческого облика, зимой – наоборот, маски изображают гротескные человеческие лица либо не изображают вообще ничего.

Так вот, согласно легенде, именно в день зимнего солнцеворота и случилась роковая встреча Вечного Странника и его несчастной возлюбленной. По одной версии, они столкнулись в мире смертных именно в этот день, по другой – бог попытался побороть неожиданно вспыхнувшее чувство к случайно встреченной (как вариант – увиденной во сне или в

Зеркале Судеб) смертной девушке и как раз в этот день не выдержал.

В любом случае встреча состоялась на одном из широких гуляний. В этот день не принято интересоваться личностью случайного партнера по танцам и проводить слишком много времени рядом с одним человеком. Единожды поймав в объятия свою несчастную возлюбленную, Вечный Странник был взбешен, когда какой-то бедолага бесцеремонно вырвал из его рук смеющуюся девушку. Злость его пролилась не сразу, бог попытался забыться в веселье. Но вскоре маски и руки случайных кавалеров, имевших наглость вести в танце ту, которую Странник уже считал своей, переполнили чашу терпения. Любовь, как известно, не только слепа, но и глуха, и зачастую еще и глупа, а боги в своей рабской покорности этому чувству порой бывают не лучше смертных.

Короче говоря, кончилось все плохо. Разъяренный бог нарушил запрет на применение своих божественных сил и явился во всей красе и мощи. Разумеется, ставшие свидетелями этого явления люди подобного потрясения не выдержали. Кто-то обезумел и начал бросаться на окружающих, кто-то – покончил с собой. Не стала исключением и несчастная девушка, с восторженной улыбкой перерезавшая себе горло. Откуда она взяла нож, история умалчивает, но зато в подробностях живописует горе и ярость несчастного бога.

Поскольку покарать Вечного Странника никто из богов не рискнул, да и, по совести, виноват был не он, а Гле-

ра со своими неуместными шутками, бессмертные, посовещавшись, общими усилиями сняли с «коллеги» приворот. Смертным посочувствовали, но кто их, смертных, вообще считает? Умерли и умерли, десятком больше, десятком меньше...

От болезненной страсти Вечный Странник излечился, но по все той же легенде, в зимний солнцеворот он воскрешает тот день и тот единственный танец. А несчастный, которому доведется попасть в Безумную Пляску, будет обречен пополнить ряды танцоров. Поскольку Вечный Странник – бог мук и безумия, он, разумеется, по природе своей не способен принести попавшим под его власть людям освобождение. Так что, умирая в страшных пытках Безумной Пляски, каждый год они обречены воскресать, чтобы исполнить свой единственный танец и вновь умереть.

Вот эту «добрую» «счастливую» сказку мне и предстояло инсценировать. И если первая часть, с выходом и танцами, представляла сложность исключительно техническую, то неизбежно следующее за ней кровавое безумие вызывало еще и психологическое отторжение. Да, Иллюзионисты под всей шелухой наносных масок в большинстве своем люди невозмутимые и довольно жесткие, но предстоящая сцена пахла отнюдь не жесткостью, а форменным садизмом и, более того, мазохизмом. Ведь для того, чтобы иллюзия получилась достоверной, – а именно за это мне и платят, – я должна *поверить* в то, что вижу, то есть стать свидетельни-

цей подлинного кровавого спектакля, пропустить его через себя. Страшно представить, сколько мне придется вычищать последствия этого заказа из собственного разума, но... аванс получен, и вернуть его я не смогу физически.

Так что полночи я, оттягивая самое страшное, считала и строила схемы участников грядущего действа. Это только кажется, что иллюзию создать просто. Представил, и – пожалуйста! Подобным образом можно получить только примитивную куклу, не способную двигаться без прямого указания. А отслеживать малейшие жесты и мимику одновременно двух десятков сложно взаимодействующих разнообразных объектов не сможет ни один маг. И путь в итоге остается всего один. Иллюзия надевается на каркас заклинания, в которое пошагово закладываются все движения и вся мимика вплоть до дрожания ресниц и легкого колыхания нарядов, а еще – набор реакций на случай воздействия со стороны окружающих материальных объектов.

Любую иллюзию делают реальной детали. Мелочи, придающие образу живость и законченность. Одно дело, когда объект просто движется по заданному пути, и совсем другое, когда он совершает какие-то естественные жесты – поправляет маску, одергивает платье; чертыхнувшись, расплескивает немного вина из бокала. Пятнышки на ботинках, крошечные огрехи в нарядах: отлетевшая от маски блеска, выбившийся из прически локон. И, самое главное, мелочи эти не должны повторяться.

Существенно упростили мою работу маски; мимика – это всегда самое сложное, а если сделать полнолицую маску, останутся только глаза в ее прорезях.

Разумеется, создать даже один такой образ с нуля очень трудно, поэтому любой Иллюзионист в своей работе пользуется многочисленными универсалиями, эдакими заготовками и шаблонами, которые можно потом внедрить в нужную фигуру. Какие-то из них – стандартны и приведены в книгах, какие-то – результат жизненного опыта. Но даже с ними труд предстоял титанический.

Темп работы я взяла хороший: по счастью, меня навестило вдохновение. Так что спать легла с рассветом, но к тому времени были готовы полтора десятка образов, включая Возлюбленную и Вечного Странника, а также построено «явление» (его я, впрочем, очень хорошо представляла с визита в Закатный дворец) и первый танец.

В работе я, понимая, что предстоит сделать в конце с этими иллюзиями, избегала так любимого Иллюзионистами приема – придания образу черт хорошо знакомых людей. Не брала даже тех, кого очень не любила, хотя у пары-тройки объектов против моей воли все-таки прорезались знакомые жесты. Решив, что это судьба, исправлять не стала.

В общем, в любимый гамак я завалилась уставшая, но довольная своими успехами, и тут же провалилась в глубокий сон без сновидений.

Впрочем, для кошмаров еще рановато. Вот перед зав-

трашной ночью непременно нужно будет подготовиться ко сну со всей тщательностью. В конце концов, навеянные неприятными впечатлениями страшные сны – лишь игры подсознания, и при должной сноровке можно договориться со своим разумом. А умение контролировать сны – один из первых навыков, которые магам прививают еще в раннем детстве.

Проснувшись я от духоты. Долго неподвижно лежала, слепо таращась во мрак собственного жилища и глубоко дыша в попытке успокоить испуганно бьющееся сердце, ожидающее подвоха. Далеко не сразу сообразила, что вязкая влажная темнота – не плод моего воображения, а объективная реальность. Стоило принять этот факт, и все встало на свои места.

Наглейшим и банальнейшим образом ушел с Караванщиком¹⁰ компенсатор – магическое устройство, поддерживав-

¹⁰ Ушел с Караванщиком – умер, отдал богам душу. Караванщик – одно из имен бога мертвых, которое, в отличие от ряда иных имен, можно спокойно поминать всуе. По легенде, души умерших отправляются в Нижний мир раз в месяц, в день новолуния, образуя длинный караван, который ведет сам бог мертвых, а ездовыми животными служат гигантские кинаки – верные слуги Караванщика. Асид – истинное, запретное имя бога смерти (он же бог судьбы), которое могут произносить вслух лишь жрецы во время обрядов. Начертание его допускается на памятниках, могилах или в священных текстах, все иное строго карается. Изображается в виде худощавого мужчины с телом змеи, сложенным в крупные кольца, и повязкой на глазах, символизирующей беспристрастность и безжалостность смерти. В одной руке держит моток веревки, в другой – небольшой завязанный полупустой мешок. Иногда эти вещи приторочены к его поясу, а руки сложены за спиной. Веревка символизирует собственно весь жизненный путь человека,

шее в доме свет, прохладу и отвечавшее за вентиляцию.

Я спустила ноги на пол, сползая с гамака, и едва удержалась от стога: от духоты разболелась голова. Жару я, как любой житель наших широт, переношу спокойно, но вот духота замкнутого помещения убивает. Пусть бы хоть какой горячий воздух, но свежий. Наверное, во влажных тропиках я бы не выжила...

Поскольку работать в таких условиях было невозможно, я, с трудом отвлекшись от приступа мигрени, сосредоточилась на окружающем пространстве, и мрак послушно отступил. Комната предстала тусклой черно-белой гравюрой с контрастными неестественными очертаниями предметов, но этого вполне хватило, чтобы добраться до двери во внутренний двор.

В дом вместе с дневным светом, больно резанувшим по глазам, вкатился раскаленный сухой ветер. Я почти слышала, как шипит, испаряясь, душная влага, напитавшая воздух комнаты. Похоже, компенсатор пал смертью храбрых как раз тогда, когда я ложилась спать, и с поломки прошло много времени.

Щурясь на солнце, я выбралась во внутренний дворик, в

а в мешке кучей свалены особо грешные души, которые не могут продолжить свою цепь перерождений, не очистившись. Когда приходит время, бог подходит к берегу священной Безымянной реки, достает нужную душу и полощет в воде, после чего та присоединяется к его Каравану. Цвет – красный; кровь, дающая нам жизнь и возвещающая о смерти. Воды Безымянной реки, по легенде, имеют тот же цвет. Является супругом Инины.

тень нескольких старых пальм, в душный запах гардений и жасмина, в тихий шелест струй небольшого фонтана. Со стоном наслаждения опустилась на небольшую скамейку возле мраморной чаши, оплетенной каким-то вьюнком, и прикрыла глаза от удовольствия.

Этот общий на пять домов садик полностью закрыт от улицы. За ним ухаживает одинокая скучающая вдова, а все остальные «совладельцы» помогают финансово и иногда натурой.

В этом, да и во всех прочих отношениях мне повезло с соседями. Во-первых, одна бы я такой сад точно не потянула, и дело даже не в нехватке денег, а в недостатке времени и, главное, желания возиться с цветами и деревьями; сложившаяся же в небольшом коллективе ситуация полностью меня устраивала. Ну и, во-вторых, даже без всякого дворика мои соседи – весьма милые и приятные люди, от которых никогда не бывает проблем. Все они удивительно воспитанные, недокучливые и спокойные законопослушные граждане, и я стараюсь им соответствовать: ни к кому не лезу, живу тихо, шумных застолий не устраиваю.

По вечерам здесь обязательно кто-то сидит и пьет чай либо в уютном молчании, либо за неспешной приятной беседой, и я порой выкраиваю время присоединиться.

В одном доме живет уже упомянутая мной одинокая пожилая вдова. В другом – скромная молодая пара, поженившаяся меньше года назад и пока не осчастливленная детьми.

В третьем – семья уже состоявшаяся; с пожилыми родителями осталась лишь младшая дочка, которая еще учится, а трое старших детей, две дочери и сын, живут отдельно и порой приезжают в гости, чтобы порадовать стариков внуками. Четвертый дом долго пустовал после смерти прежнего владельца, но теперь в него въехал какой-то дальний родственник того, очень сдержанный и нелюдимый молодой мужчина; никто из нас понятия не имеет, чем он занимается, но по всему похоже – какими-то научными изысканиями. Или, может быть, вовсе пишет книги. А в пятом доме уже четыре года, с момента официального окончания обучения, живу я.

Сейчас садик пустовал, и я с удовольствием погрузилась в его сонную тишину и тяжелый запах ослепительно-белых цветов. Впрочем, этот аромат мне нравился, и в любом случае он куда приятнее застоявшегося воздуха дома.

Немного придя в себя на свежем воздухе, я наконец-то обрела способность связно мыслить. И первой мыслью было твердое понимание: пока компенсатор не починят, ни о какой работе речи быть не может. Не могу же я заниматься всем этим вот тут, рискуя напугать кого-нибудь из соседей!

Поленившись куда-то идти, а еще – не желая пока возвращаться в дом, я вызвала своего неизменного полуиллюзорного привратника. Спрятав его жутковатый облик от посторонних глаз и тщательно проинструктировав, отправила говорящий череп в лавку знакомого Материалиста, расположенную в квартале отсюда. Этот маг порой оказывал мне по-

добные услуги и, самое главное, никогда не удивлялся, если вместо меня приходила эта довольно самостоятельная иллюзия.

Вскоре привратник вернулся с ответом: мастер Крим-ай-Самман обещал в ближайший час зайти или прислать кого-нибудь из помощников. Понимая, что высидеть столько без дела я не смогу, неохотно поднялась со скамейки и поплелась в дом.

Там уже было не так душно, горячий воздух сделал свое дело. Да даже если бы и было, это не помешало бы добраться до кухни и прихватить оттуда меленку с остатками намолотого вечером кофе, джезvu и любимую чашку с небольшим сколом на краю. По счастью, в укромном уголке сада имелась уличная кухня со вполне рабочими огонь-камнями.

Помощник Материалиста, а именно – его старший сын Айрим, пришел, когда я уже допила кофе. В тишине сада было хорошо слышно, как на другом конце дома хлопнула незапертая дверь. Потом знакомый голос позвал:

– Госпожа Лейла, это Айрим Крим-ай-Самман! Где вы?

– Иду, господин Айрим, – отозвалась я и, нагрузившись меленкой и грязной посудой, чтобы не мусорить на общественной территории, пошла к двери. – Там компенсатор барахлит, – уточнила, входя в темное помещение.

– Уже вижу, – со смешком отозвался Материалист.

Айрим на несколько лет старше меня, неплохой маг. У них большое семейное дело, уже несколько поколений. И

дед, и прадед его были Материалистами, держали ту самую лавку бытовых амулетов, оказывали услуги по их ремонту и поддержанию работы. Но Айрим мне нравился больше, чем его отец и пара наемных магов, он обладал такими нехарактерными для Материалистов чертами характера, как легкость и чувство юмора.

У всех магов есть свои «профессиональные» недостатки, характерные черты личности, и исключения встречаются очень редко. Например, Бьорн, хоть я его и люблю, является вполне типичным Материалистом. Единственное, с чувством юмора у него куда лучше, чем у большинства коллег, а вот все остальное присутствует. Тяжесть на подъем, неторопливая методичность мышления, склонность к долгому обдумыванию своих решений, склонность к созерцанию, флегматичность и невозмутимость.

– Госпожа Лейла, я же еще в прошлый раз говорил, компенсатор при непрерывной работе истощается где-то за полгода, его нужно регулярно проверять, – тоном, каким Пир в бытность мою ребенком раз за разом объяснял правила плетения каркасов иллюзий, изрек Материалист, возясь в прихожей (она же комната ожидания). Компенсатор, выглядящий как высокий узкий шкаф с изящной резной дверцей, находился именно там.

Устав бродить в темноте, я достала трехглавый подсвечник, имевшийся в доме как раз на такой случай: или компенсатор испортится, или свет-камень истощится, а новых у

меня не окажется.

– Говорили, – с улыбкой ответила, зажигая свечи и с подсвечником в руках выходя в прихожую. В недрах компенсатора плясали разноцветные отблески, раскрашивая темные волосы Материалиста причудливыми узорами. – Но я все время забываю. Не столько о необходимости проверок, сколько о самом существовании компенсатора.

– Да. Я помню, – фыркнул маг. – А почему не сделать какое-нибудь напоминание? Например, заставить за этим следить привратника, – с интересом покосился он на меня через плечо.

– Было бы неплохо, но для этого придется нарушить пару законов. – Все так же улыбаясь, я пожала плечами. И тут же пояснила, опередив вопросы: – Привязка ко времени – это, пожалуй, самое сложное для Иллюзиониста. Иллюзии не способны его определять, они живут по своим законам. Поэтому для того, чтобы заставить Привратника считать дни, его надо сделать слишком разумным, а это незаконно. Или слишком материальным, но тогда он лишится большей части своих полезных качеств. Лучше скажите, господин Айрим, что мне может предложить для решения этой проблемы Дом Материи?

– Несколько вариантов, – легко отозвался маг, выныривая из компенсатора и оборачиваясь ко мне. – Во-первых, часы, которые умеют считать дни и запоминать определенные даты. Во-вторых, можно кое-что добавить в компенсатор, и он

сам будет сообщать – вам или сразу нам – о своем состоянии. В-третьих, могу предложить себя в качестве контролера. – Он белозубо улыбнулся. – Буду заходить раз в месяц-другой и проверять всякие полезные мелочи. А еще могу поделиться секретом очень полезного устройства, которым пользуюсь сам.

– Вы меня заинтриговали, – поставив подсвечник на тумбочку возле двери, я присела на стул. – Чем же таким сложным и секретным пользуются Материалисты, чтобы ничего не забывать?

– Только обещайте не выдавать, это все-таки семейная тайна, – серьезно проговорил он, но глаза смеялись.

– Клянусь! – торжественно подняв ладонь, сообщила я. Почему-то северяне, когда клянутся, делают этот жест, понятия не имею, что он значит, но выглядит одновременно забавно и внушительно.

Материалист, сдержанно кивнув, сунул руку в безразмерный карман своих шаровар и извлек оттуда потрепанную пухлую тетрадку. Выражение моего лица, когда я разглядела «семейную тайну», заставило мага рассмеяться.

– Не обижайтесь, но ежедневник – самый действенный способ все помнить, и эта привычка у нас действительно семейная, все честно.

– Да на что тут обижаться, – отмахнулась я, тоже рассмеявшись. – Это было ожидаемо, чудес не бывает. Только, боюсь, я буду забывать его вести, забывать в него заглядывать

и, наконец, забывать, где он лежит.

– Значит, если вы не против, буду сам проверять ваш компенсатор и запас свет-камней, – с вопросом в голосе произнес мастер Крим-ай-Самман.

– Если вас это не затруднит, я буду счастлива, – не стала отказываться я. – Жалко, что подобная идея не посетила меня или вашего отца раньше.

– Вот и отлично. – С этими словами маг пружинисто поднялся на ноги и закрыл дверцу. В этот же момент в комнате ощутимо посвежело, а на потолке разгорелся свет-камень.

– Спасибо, я ваша должница!

– Это моя работа, – хмыкнул он и потянулся к входной двери, в которую в этот момент постучали. Вопросительно оглянувшись на меня, Айрим открыл дверь.

– Здесь живет магистр Лейла Шаль-ай-Грас? – раздался незнакомый голос. Я подошла ближе, выглядывая из-за плеча Материалиста. – Для нее посылка, – стоявший на пороге мужчина держал в руках какую-то коробку, а на улице прямо перед домом ожидал потрепанный экипаж.

– А от кого? – любопытствовала я.

– Не могу знать, – флегматично пожал плечами посыльный. – Если внутри есть карточка, узнаете. Еще можете попробовать поговорить с управляющим, на посылке указан адрес конторы.

– Ладно, давайте сюда, я магистр Шаль-ай-Грас, – вздохнула я, недоумевая, кто и что мог прислать.

– Всего доброго, госпожа Лейла, – улыбнулся Материалист и вышел, пропуская в дверь посыльного.

– И вам тоже. Еще раз большое спасибо, – кивнула я и забрала посылку. Получив вожаделенный отпечаток моей ауры в документах, посыльный вяло кивнул, что должно было означать прощание, и ушел к своему транспортному средству. А я, на ходу пытаюсь определить, нет ли в посылке каких-нибудь неприятных сюрпризов, и вспомнить, не жду ли я ценного послания, двинулась в рабочую комнату.

Сюрпризов не нашлось, а фантазия спасовала. Никаких посылок не ожидалось, а вероятность внезапного появления каких-то неучтенных родственников или поклонников была совершенно ничтожна. Поэтому, терзаемая любопытством, я разрежала хрустящую и колкую упаковочную бумагу, сняла крышку с плоской широкой коробки и замерла, на несколько мгновений забыв дышать.

Сверху лежала маска. Абстрактная, как и положено для зимнего солнцеворота, – просто женское лицо, расцвеченное изображением пламени и огненной бабочки. Но, во имя богов, *что* это была за маска! Лицо выглядело почти живым, а составлявшие рисунок крошечные драгоценные камни – не камни даже, тонкая искристая пыль, – были подобраны настолько искусно, что я боялась обжечься, беря маску в руки. Кто бы ни сделал эту вещь, его мастерство было воистину совершенно, а уж стоимость этого произведения искусства я боялась даже представить.

Под маской, на складках изумрудно-зеленой с огненными же вкраплениями ткани, лежала карточка. Почти с ужасом глядела я на эту записку, понимая, что знаю лишь одного человека, способного прислать мне столь дорогой и своевременный подарок.

Верить в реальность происходящего категорически не хотелось, но чудеса опять не случилось. Карточка действительно была размашисто подписана «Дайрон» и содержала всего одну короткую фразу: «Будь в этом».

Очень хотелось послушаться этого приказа, просто до нервной чесотки. Надеть что угодно еще, других цветов, другого вида... Но я прекрасно понимала, что не имею права на такой поступок.

Во-первых, не стоит раздражать этого человека по мелочам.

Во-вторых, протест получится совсем глупый, детский и докажет он только мой страх, и если это не вызовет раздражения дора Керца, то рискует пробудить в нем охотничий азарт и привлечь повышенное внимание. Пока было похоже, что я не слишком интересую его как женщина и действует он скорее по привычке. Получив привычный отклик – послушную и плавающую от его внимания слабую женщину, готовую на все, – успокоится и переключится на что-нибудь более интересное.

Оставалась и третья причина, значимость которой и хотелось бы заинтересовать, но не получалось. Мне больше совсем

нечего надеть на то роскошное торжество, на котором долженствовало присутствовать. Мои наряды удобны, выполнены из хороших тканей, украшены вышивкой... но на приеме я смотрелась бы нищенкой. Не то чтобы это всерьез задевало – я прекрасно осознавала пропасть между собой и тем миром, в который предстояло окунуться. Скорее, не хотелось привлекать лишнего внимания гостей, а оно было бы неизбежно, не соответствуя я их представлениям о вечерних нарядах.

К тому же шестым чувством я понимала, что дор Керц ни в коей мере не хотел задеть мои чувства или как-то оскорбить. Не из уважения или симпатии. Я просто при всем желании не могла придумать внятную причину, зачем бы ему это могло понадобиться. Может, если бы Тай-ай-Арсель был сказочным злодеем или страдал хроническим комплексом неполноценности... Но дор Керц показался мне – и до сих пор не было возможности усомниться в этом впечатлении – типом весьма хладнокровным и рациональным. И не того я масштаба фигура, чтобы ему стало интересно со мной играть.

Поэтому, приняв правильное решение, я отложила маску и карточку и принялась изучать основной подарок.

Ожидание, что наряд окажется достоин роскошной маски, полностью оправдалось. Лучшие ткани, вышивка золотом... Ко всему великолепию прилагалась пара широких тяжелых браслетов. Хотелось верить, что просто позолоченных.

Примерять подарок я не стала – не было ни малейшего сомнения, что все подойдет по размеру, цвету и стилю, – а вот расстроиться, разнервничаться и испереживаться успела очень быстро. И точно так же быстро взяла себя в руки. Сегодня мне предстоял очень, очень тяжелый труд.

Ох, а ведь еще Хар зачем-то хотел зайти! Будем надеяться, он не выберет для визита самый неудачный момент и не собьет мне настрой.

Ухнув с головой в работу, я тем не менее малодушно пыталась отодвинуть момент, когда придется заняться самой страшной частью иллюзии. Уже были готовы все танцы, соткана иллюзия дора Керца, уже видна была ярость Странника. Но собственно Пляска пока не началась.

И вот тут, спасая меня от необходимости решительно переступить через собственное отвращение, раздался мелодичный звонок, возвестивший о приходе посетителя.

– Привет, кошка, – улыбающийся Хаарам привлек меня за талию и поцеловал в висок. – Я к тебе.

– Какая неожиданность, – я улыбнулась в ответ. – Как вчера погуляли?

– Вяло, – пожал плечами друг, вслед за мной входя в жилую часть дома. – Не поверишь, просидели как два старика, под ту же броженицу обсуждая жизнь и работу. Ни драк, ни девочек, – грустно вздохнул он. – Надо было Фрея звать, с ним бы точно получилось отдохнуть.

– Зато голова потом не болела, – дипломатично заметила

я. – Кофе хочешь?

– Если не трудно. Очень уж он у тебя вкусный получается. А ты, гляжу, работаешь? – Он окинул взглядом разложенные по всем доступным поверхностям, включая пол, книги и листы с расчетами. Углубляться в чтение, впрочем, не стал, просто аккуратно освободил место возле стола.

– Ага, всю ночь возилась, – поделилась я и прошла на кухню. Хар двинулся следом и завис в дверях, наблюдая за хлопотами. – А утром компенсатор умер, – поделилась печалью. – Проснулась чуть живая, хорошо, Материалист быстро пришел и все наладил. А ты по какому делу-то?

– Что, уже надоел?

– Нет, – отмахнулась я. – Я всегда рада тебя видеть, но тут правда очень много работы, боюсь не успеть.

– Может, тебе помочь? – странно задумчивым тоном уточнил Хар. Я бросила на него растерянный взгляд, друг очень внимательно меня рассматривал, будто пытался прочесть что-то по моему лицу и в моей душе.

– Это ты случайно глупость сказал или обвиняешь меня в профессиональной несостоятельности? – пошутила я.

– Я не про работу.

– Вы что с Бьорном, вчера сговорились? – опешила от подобной активной опеки. Нет, друзья у меня хорошие, но такая параноидальная заботливость обычно была им несвойственна.

– В некотором роде, – поморщился он. – Лель, я понимаю,

что не имею права на этот вопрос, но все равно его задам. Мы очень за тебя беспокоимся. Какие отношения связывают тебя с Дайроном Тай-ай-Арселем, дором Керцем?

– С чего ты взял, что нас вообще связывают какие-то отношения? – так растерялась я, что даже не обиделась. Я, конечно, не думала, что наша вчерашняя поездка окажется совсем уж никем не замеченной или заказ останется тайной, но слишком быстро друзья все узнали. И слишком сильно встревожились.

– Я помню, что ты не читаешь газеты, и опасался, что будешь отрицать, – кивнул он и достал из кармана шаровар сложенную газету. – Передовицу посмотри.

Все еще недоумевая, я послушно развернула бумагу и застыла, парализованная увиденным. На первой странице красовалась крупная магография, на которой Дайрон Тай-ай-Арсель был запечатлен в обнимку с женщиной. Со мной. В голове вдруг стало совершенно пусто, а в сердце – жутко, особенно когда я посмотрела дату выпуска. Заголовок гласил «Самый богатый жених столицы определен!», а отпечатана газета была неделю назад.

– Хар, этого не может быть! – Я трясущейся рукой протянула бумагу другу, чувствуя, что в глазах темнеет, а ноги подкашиваются. Цепляясь за мебель, я начала аккуратно сползать на пол, чтобы не упасть.

Вот теперь можно было не предполагать, теперь я точно знала, что вляпалась в очень, очень, очень плохую историю,

и все уже точно не обойдется!

– Лель, ты чего? – не на шутку всполошился мужчина, поспешно опустился рядом со мной на колени.

– Хар, этого не было, понимаешь! – пытаюсь взять себя в руки, пробормотала я, с надеждой глядя на друга. Вот сейчас он рассмеется и скажет, что это была шутка, и я смогу с чистой совестью его убить. – Первый раз дора Керца я увидела вчера днем, когда он пришел с заказом. Я с ним до этого не то что не общалась, я его в глаза не видела! – с трудом выдохнула, чувствуя, как невидимые тиски сдавливают грудь, и почти физически ощущая на горле чьи-то сжимающие руки. – Хар... – с трудом выдавила я.

К счастью, друг знал, что следует делать. Несколько мгновений, и сильные пальцы уверенно уцепили меня за подбородок, между зубов протиснулась узкая керамическая трубка, а в горло хлынул горький холодный дым.

Удушье прошло почти мгновенно, и я сумела сфокусировать взгляд на сосредоточенной смуглой физиономии. Видя, что приступ кончился, Хаарам чуть отстранился, выпуская мое лицо и сжимая в ладони небольшую изящную колбу ингалятора.

– Полегчало? – вздохнул он. – Каждый раз пугаюсь. Давненько с тобой такого не было.

– Жизнь была спокойная, – вздохнула я, пытаюсь проглотить противный привкус лекарства. – Мало было этого заказа, так еще вот выясняется...

– Погоди, не здесь же разговаривать, – решительно оборвал стенания Хар и легко подхватил меня на руки, чтобы перенести на диван.

Пока я приходила в себя, умница Хаарам сварил кофе и даже нашел вазочку с конфетами. Вручив мне распространяющую дивный аромат чашку, развернул конфету и едва не силком заставил съесть. Станный, конечно, способ оказания помощи, но мне неожиданно и правда помогло. Вряд ли конфета – скорее, просто присутствие рядом спокойного, сильного, уверенного человека.

– Это какое-то безумие, – вздохнула я. – Как такое возможно? Впрочем, нет, о чем я, – я тряхнула головой. – «Как» вариантов много. Непонятно другое – зачем? Почему я? Кому это все нужно? И почему он был уверен, что я ничего не знаю, и не испугаюсь, не откажусь от заказа, только увидев его на пороге? И Пир же, как назло, ничего не сказал! – раздраженно проворчала я.

– Пир мог и не знать, – пожал плечами Хаарам. – Он только «Имперского вестника» читает, а это солидное издание, они сплетни не пересказывают. Девчонки, наверное, или тоже не в курсе, или просто не поверили. А может, решили не сглазить: романтика же, Бессердечный дор Керц влюбился и исправился. А мы с Бьорном наткнулись на эту газету вчера, по дороге к Пиру. Кажется, статья напечатана только в одной газете, и шумихи никакой не было. Мы сначала подумали, что сам Тай-ай-Арсель поднажал на кого нужно, чтобы его

имя не трепали на каждом углу, это вполне в его силах, но сейчас здорово сомневаюсь.

— Лучше бы я его любовницей была, — с тоской пробормотала я. — Да не влюбилась я, не смотри так. Просто я понятия не имею, кому и зачем это могло понадобиться. Заказ, потом вдруг статья в заштатной газетенке недельной давности...

— А что за заказ?

— Извини, я подписала договор, не имею права рассказывать, — я развела руками. — Но заказ правда странный, и слишком высокая за него была дана плата. Я уже тогда заподозрила беду, но людям уровня дора Керца не отказывают.

— Действительно, беда, — медленно кивнул Хар. — И ведь совершенно непонятно, почему именно ты? Может, это все-таки связано с твоими родителями?

— Угу, — пробурчала я. — Как в дешевой мелодраме, дор Керц — мой настоящий отец, и теперь решил не то подчинить, не то исправить грехи юности. А мамаша подбросила меня под дверь Дома Иллюзий, чтобы спасти от страшного папочки. Хар, я уже немного не в том возрасте, когда можно верить в сказки о замечательных родителях, которые обязательно вернутся, или об их героической гибели. Дешевая проститутка, нерадивая служанка, едва сводящая концы с концами работница — это гораздо более реальный портрет моей матери. А отец либо спился, либо сбежал, либо просто так отбросил концы, либо, при лучшем раскладе, погиб на войне. Люди уровня дора Керца не вписываются в мою ро-

дословную никаким боком. Да и внешне ты гораздо больше похож на аристократа, чем я.

— Ладно, извини, глупость сказал, — поморщился Хаарам. — Но ты в любом случае помни, что у тебя есть мы. А я попробую что-нибудь выяснить.

— Конечно, Хар. Спасибо. И за это, и за предупреждение, — кивнула я.

Когда он бывал вот таким спокойно-сосредоточенным, у меня возникало ощущение, что этот человек способен решить любой вопрос и защитить от любой беды. Да примерно так всегда и происходило; каким образом у Хаарама все получалось, никто не знал, но он действительно часто бывал последней надеждой и спасителем. Пир, конечно, отличный наставник, но к наставнику с некоторыми вопросами не пойдешь. Вернее, это сейчас я могла отправиться к нему с чем угодно, а раньше, во время учебы, стеснялась. А Хар всегда был свой.

Самая загадочная личность из всей нашей компании. Даже мы, его кровники, не знаем ничего о семье и происхождении этого человека. Вроде бы его родители живы, и даже, кажется, имеются братья или сестры, но в разговоре с Харом это абсолютное табу. Разве что Пир как наставник знает больше.

Удостоверившись, что я окончательно пришла в себя, друг откланялся. А я осталась один на один с недоделанной важной работой и мрачными мыслями. И переключиться со

второго на первое все никак не получалось.

Вывод из принесенных Хаарамом известий можно было сделать только один: что-то готовилось, и в этом «чем-то» мне предстояло принять непосредственное участие. Что-то грандиозное, страшное, важное. Смерть, обещанная пророчицей? Я слишком мелкая фигура, чтобы быть целью такой грандиозной интриги. Я могу быть только средством или способом, разменной монетой. Моей иллюзией хотят прикрыть чью-то реальную смерть или повесить преступление на меня? Это возможно, но опять же – почему именно я? Случайно попалась под руку? Подошла как сильный Иллюзионист, не входящий в Дом Иллюзий, и потому беззащитный?

Еще эта статья... Без нее все было гораздо проще, а с ней – запутывалось окончательно. Зачем она Тай-ай-Арселю? И он ли заказчик статьи, или некто, противодействующий ему. Та самая «вторая сила» из пророчества. Самого ли дора Керца мне стоит опасаться или этого загадочного некто? Задать ли ему вопрос о статье или от этого станет еще хуже?

Дайрон решил убить зарвавшуюся любовницу и свалить это на меня? Бред. Убить меня и свалить на любовницу? Бред еще больший. С другой стороны, смерть его якобы возлюбленной (то есть меня) можно повесить на кого-то из врагов. Но тогда опять вопрос: зачем нужна заказанная иллюзия и при чем тут я?

Через некоторое время мне все-таки удалось изгнать па-

нические мысли и сосредоточиться на работе. Я Иллюзионист, лицедейка, творец, логика никогда не была моей сильной стороной, не стоило и пытаться. Не мне тягаться с великими интриганами мира сего, я могу только уповать на милость Инины.

Неожиданно дело пошло еще бодрее, чем вчера. Видимо, предположения о реальном убийстве на балу добавили жизни кровавой Безумной Пляске. Так что спать я ложилась снова под утро с тяжелым сердцем, больной головой и комом в горле, полностью сосредоточенная на предстоящих снах, а точнее, их отсутствии.

За работой оставшееся до праздника время пробежало очень быстро. Правда, к полудню зимнего солнцеворота я уже не вполне понимала, на котором свете нахожусь, а о неприятностях, в которые ввязалась, не вспоминала вовсе. Солнечный свет на улице казался ненастоящим, шум города звучал в ушах гулко, сквозь непонятную пелену. Я чувствовала себя чуждой этому миру, сторонним наблюдателем не очень правдивого спектакля.

Одевалась и собиралась механически, даже не глядя в зеркало. Так что стоило еще раз сказать «спасибо» дору Керцу за его предусмотрительность: если бы наряд не был готов заранее, кто знает, что бы я нацепила?

Я все никак не могла отделаться от симпатии к этому человеку. Разум знал, что он опасен, что от него надо держать-

ся подальше, но все остальные части личности были покорены обаятельным и предусмотрительным дором. Нет, о влюбленности речи не шло, но не восхищаться им было невозможно. Да, он задумал что-то страшное, но вдруг это меня не коснется? Вдруг все еще обойдется, я просто выполню заказ и забуду всю эту историю?

Лучше всего Иллюзионисты умеют обманывать себя. А уж в той нереальности, в которой я пребывала, правдой было то, во что я верила. Это был главный ее закон, по-другому со сложными иллюзиями работать нельзя.

Дорога до Закатного дворца не запомнилась. Кажется, взяла первый попавшийся экипаж, но поручиться за это не смогла бы, с меня стало бы и дойти пешком. Мир вокруг был мешаниной ярких красок; меня непрерывно сопровождал все тот же гул праздничного города, или, может быть, гул этот застрял в голове?

Калитка в воротах, через которую я покидала дворец в прошлый визит, оказалась открыта, а на территории, лежащей за забором и запомнившейся мне пустой тишиной, кипела жизнь. Суетились многочисленные люди, что-то куда-то несли, что-то строили, что-то колдовали, я опознала в присутствующих пару Материалистов и пятерых коллег по цеху. Но на меня, кажется, никто не обратил внимания.

Не совсем понимая, зачем нахожусь здесь сейчас, я медленно двинулась к дворцу через парк. Ощущение непричастности не только к этим людям, но ко всему миру крепло. В

мою сторону никто даже не смотрел, для них меня тоже не существовало.

– Рад, что ты все-таки пришла, – ворвался в мое одиночество знакомый вкрадчивый голос. Я вздрогнула от неожиданности и заозиралась. Буквально только что вокруг простирался дворцовый парк, а вот я уже стою посреди роскошной комнаты в кофейно-бурых тонах с золотом, по щиколотку утопая в пушистом темном ковре.

Несмотря на непритязательный на первый взгляд цвет, все вокруг буквально дышало роскошью. Мой взгляд на полпути к лицу хозяина комнаты споткнулся об изящный кофейный столик, покрытый настолько тонкой резьбой, что дерево казалось плетеным кружевом. Серебряный кофейник и белоснежный сервиз из тонкого фарфора на буром дереве смотрелись особенно великолепно.

– Лейла! – со смешком окликнул меня все тот же голос, я снова вздрогнула и в этот раз таки сфокусировала взгляд на мужчине.

Он улыбался. Но глаза по-прежнему оставались холодными.

В классических шароварах и рубаше с кожаной жилеткой дор Керц смотрелся очень странно и походил на собственную кофейную чашку – бело-серебряный на благородном коричневом фоне мягкого дивана. На коленях мужчины лежала какая-то папка с документами, а на носу красовались очки в тонкой изящной оправе. Странно – зачем этому чело-

веку очки? С его деньгами не существует таких болезней, от которых нельзя вылечиться.

– Вы носите очки? – растерянно проговорила я, все еще пребывая где-то в иных мирах. О том, что этот вопрос может задеть заказчика, я даже не подумала.

– Иногда, – расплывчато откликнулся он. – Садись. Извини за подобную бесцеремонность с доставкой тебя через весь дворец, слишком не хотелось посвящать в наши планы посторонних.

– Значит, вы правда...

– Мы, кажется, в прошлый раз условились об ином обращении? – с легким раздражением оборвал меня Тай-ай-Арсель.

– Да, – ничуть не впечатлившись недовольством, медленно кивнула я. – Так это правда? Про твою магию?

– Увы, – с неприятной кривой усмешкой развел руками Дайрон. – Перемещать людей в пространстве я не способен. Зато подобное умеет Закатный дворец, а я его полновластный хозяин. Но довольно об этом. Ты все приготовила?

– Да, как было условлено, – медленно кивнула я. – Хочешь, чтобы я показала?

– Не буду портить себе удовольствие, пусть будет сюрприз. Но ты можешь сейчас пойти в зал и вписать иллюзию в местность. Начало праздника на закате, а твой выход – в полночь. Ты точно сможешь все выполнить? – с неприязненным снисхождением спросил он, как-то странно меня оглядывая.

– Что заставляет тебя сомневаться в этом?

– Твой внешний вид. Ты какая-то... тусклая и нездоровая.

– Ты утверждал, что имеешь представление о работе Иллюзионистов. – Я повела плечами, обозначая пожатие. – Стоит ли удивляться губительному влиянию на меня Безумной Пляски? – В голосе звучали только безразличие и пустота, ни привычного этому человеку страха, ни восхищения, ни даже раздражения. Мне сейчас было плевать на отношение дора Керца. В моем маленьком мире он был безобидным и бессмысленным призраком, которому суждено вскоре умереть в муках и с которым я и разговаривала просто потому, что молчать – невежливо.

– Иди работай, – со странной улыбкой кивнул хозяин кабинета, и мир вокруг вновь мигнул, изменяясь.

Белоснежная бальная зала, в отличие от парка, оставалась такой же пустой и тихой, как в предыдущий мой визит сюда. Ноги в мягких кожаных туфлях ступали по каменному полу совершенно бесшумно, и моя реальность от этого не становилась ближе окружающему миру.

Я плела свои кружева, выпуская иллюзии в заботливо построенные для них декорации, что-то подстраивая, что-то корректируя, что-то изменяя. Акустика и освещение зала вносили свои коррективы, и белый мрамор под ногами иллюзий звучал совсем иначе, чем теплый деревянный пол моего дома. Да и развернуться здесь им было легче.

Два мира – реальный и мой собственный – причудливо на-

слаивались друг на друга, рождая странные парадоксы пространства и времени. Пространство собиралось в складки, выплевывая проглоченных у входа людей в разных концах залы, коверкая их тела и лица. Время крутилось спиралями и порой бежало вспять; я видела, как люди выходят из зала спиной вперед, и слышала, как распорядитель задом наперед читает имена масок удаляющихся фигур. Я плавала в этом океане безликих красок, двигалась, что-то кому-то говорила, танцевала, но все мои действия сопровождалось странным ощущением театральной постановки, в которой я принимаю участие.

Моя реальность совместилась с окружающим миром по сказочным законам: в тот момент, когда часы дворца пробили полночь. Вот только сказка эта была очень страшной, чего пока не понимал никто из гостей.

Жуткий потусторонний скрежет доселе молчавших дверей оборвал разговоры в зале, привлекая внимание присутствующих к новой гостье. Тонкая гибкая девичья фигура, звонко цокая каблучками и задорно улыбаясь под полумаской, вбежала в зал. Церемониймейстер отобразил на лице растерянность и закопался в свои списки, тщетно пытаясь найти там неучтенную гостью.

А пестрая и яркая бабочка, которую напоминала своим нарядом и легкими движениями девушка, порхнула в центр зала. Опомнившиеся музыканты грянули что-то весело-зажигательное, и гости стряхнули оцепенение, кое-кто начал

танец.

А Ее тем временем перехватил мужчина в черном наряде и простой белой маске без узоров, за талию рванул к себе, вынуждая прижаться ближе. На них почти никто не смотрел; ну и пусть, что этого мужчину тоже никто не знал и никто не видел, откуда он взялся. Это же маскарад, кому какое дело? Может, потом кто-то вспомнит, как Он спускался по одной из боковых лестниц, как стоял у стены с бокалом игристого вина, как увидел Ее и ринулся вперед. Но сейчас Они были частью толпы.

Все изменилось очень быстро. С грохотом и звоном разлетелся в мелкие осколки витраж. Дождь битого стекла обрушился на гостей, завизжали дамы, кого-то посеколо осколками, кто-то начал требовать Целителя. А с потолка по нисходящей спирали, под скрип и стоны сбившихся с ритма музыкальных инструментов, с хохотом побежала сцепившаяся руками процессия из мужчин и женщин. Люди, испуганно шепчась, прянули в стороны, освобождая место новым гостям.

Никто пока еще не понимал, что происходит. Даже когда новоприбывшие своим пением, гиканьем и несколькими чуть расстроенными музыкальными инструментами и заглушили и без того деморализованный оркестр. Даже когда закружили в своем танце пеструю бабочку, обходя своим вниманием фигуру в черном. Даже когда безликая маска дернула к себе взвизгнувшую и перепуганную барышню, понав-

шуюся под руку, а пестрая бабочка с веселым заразительным смехом утащила в круг белоснежную фигуру хозяина вечера. Постепенно танец захватил всех гостей, кто-то убрал осколки, кто-то оказал пострадавшим помощь, и о новоприбывших забыли.

Кто-то запнулся, когда зал исподволь окутал сладковатый запах тлена с железистым привкусом крови. Но не понял. А потом бабочка, все так же весело смеясь, выхватила из декоративных ножен какого-то кавалера не менее декоративный нож и легким, уверенным движением, не снимая с лица улыбки, вспорола себе горло. Широко, размашисто, от одного уха до другого. Кровь плеснула на ближайших гостей и белый мрамор пола.

И вот тогда бодрую музыку и гул голосов с легкостью перекрыл жуткий, захлебывающийся визг какой-то женщины. Звук послужил сигналом, и Пляска развернулась во всей красе. Вот дама в синем с хохотом разматывает внутренности из вспоротого живота кавалера. Вот еще один колено-преклоненный кавалер предлагает даме свое кровоточащее и трепещущее сердце на вытянутой ладони. Впрочем, даме с вырванными глазами и залитым кровью лицом сложно оценить красоту этого жеста. А вот дор Керц с дикой улыбкой на лице выковыривает из своего тела ребра, одно за одним, и на белом одеянии кровь образует причудливые разнотонные узоры. Кровавое безумие охватывает центр зала и выплескивается паникой в окружающее пространство.

Тут и там слышатся крики ужаса, кто-то падает без чувств, кого-то тошнит, возле всех выходов образуется давка, но двери закрыты.

А изломанные изуродованные тела вдруг падают на пол марионетками, которым обрезали управляющие нити, расплываются омерзительной красно-бурой жижей и исчезают, оставляя лишь одинокое алое пятно.

Меня мутит, слегка потряхивает, реальность перед глазами расплывается, и я со своего места у колонны никак не могу понять, что же такое там лежит?

Толпа далеко не сразу начинает приходить в себя. Но тут кстати приходится присутствие моих коллег, распознавших в произошедшем иллюзию. Кто-то зычным голосом возвещает, что это было видение, а не реальность. И пока кто-то пытается организовать обезумевших от страха гостей, еще один Иллюзионист подходит к тому алому пятну на белом фоне, и я слышу – я вообще отлично слышу каждый голос каждого из гостей в этой зале, – как он растерянно произносит:

– Проклятие! Это дор Керц, и он в самом деле мертв! Надо звать сыскарей.

Все это мой разум фиксирует отстраненно, сквозь волнами накатывающую дурноту и темноту, а мир закручивается вокруг с бешеной скоростью. И вот тьма забытья, тяжелая и, к счастью, совершенно пустая, накрывает меня с головой, вычеркивая из этого мира.

Сначала появился запах. Резкий, смутно знакомый, отвратительный, вызывающий тошноту. Я отмахнулась от него, издавая какой-то нечленораздельный раздраженный звук, и в темноту вплелись чужие голоса.

– Ну вот, я же говорил, истощение и обычный обморок, – скрипучий старческий голос. – Она уже очнулась. Давайте, давайте, госпожа, открывайте глаза, хватит прятаться, – ворчливо добавил он, и я послушно выполнила просьбу. Так было проще, чем пытаться заставить тяжелую и пустую голову думать и принимать самостоятельные решения.

Первым я увидела изумрудно-зеленый потолок, покрытый затейливым барельефом. Картина вроде бы абстрактная, но в ней чудились какие-то образы, кажется, стоит присмотреться внимательней, и можно будет распознать сюжет. И от мыслей об этом сюжете щекам стало горячо, потому что виделось в нем нечто весьма непристойное. Какая, оказывается, испорченная у меня фантазия...

С трудом отвлекшись от созерцания потолка, я повернула голову, находя взглядом присутствующих людей. Пожилой мужчина с брюзгливым выражением сморщенного лица в долгополой зеленой рубахе Целителя, внимательно меня разглядывавший, удовлетворенно кивнул.

– Можете работать, она правда очнулась. А у меня там еще полсотни людей в шоке, я пошел. – С этими словами он поднялся и исчез из моего поля зрения.

– Здравствуйте, госпожа Лейла, – тихий надорванный голос, уже знакомый мне по единственной встрече, сменил неприятный дискант Целителя, и на стул рядом с диваном присел воскресший Разрушитель.

– Ты ее знаешь? – поинтересовался незнакомый молодой голос, чьего обладателя я из такого положения видеть не могла. А сил поднять голову и оглядеться не было.

– Скорее знаю ее наставника, – слегка поморщившись, ответил мужчина. – Вы можете говорить? – вновь обратился он ко мне.

– Не знаю, надо попробовать, – честно ответила я. Голос прозвучал странно слабо и приглушенно. – Ну вот, кажется, могу. Что со мной случилось?

– Судя по всему, вы упали в обморок, – пожал плечами Разрушитель. – А вот что с вами происходило до этого, я бы как раз очень хотел знать. Безумная Пляска ваших рук дело?

Я, прикрыв глаза, шумно сглотнула, при этих словах в горле образовался комок и подкатила тошнота. Сразу вспомнились подробности вечера, а еще – подробности контракта.

Следователь, видимо, истолковал мое молчание по-своему, поэтому продолжил:

– Не отпирайтесь, несколько присутствовавших магов и наши специалисты опознали ауру. Вообще, лучше дважды подумайте перед тем, как соврать.

– Я не собиралась врать, – со вздохом ответила я. – Мы с дором Керцем заключили контракт, который не позволя-

ет мне разглашать суть предоставленной услуги. Если что, копия контракта находится в соответствующем архиве Дома Иллюзий. – Долгая речь вызвала новую волну дурноты, и я была вынуждена вновь закрыть глаза, пережидая.

– И какое же наказание будет за разглашение? Я, простите, никогда не заключал таких контрактов, так что не знаком с тонкостями, – так же тихо проговорил Зирц-ай-Реттар.

– Боль. Мне будет очень, очень больно, и, если не внять этому предупреждению, я умру. И это вы тоже можете легко проверить, спросите у любого юриста, – не открывая глаз, ответила я.

– Она не врет, – подтвердил незнакомый мне молодой голос. – Это в самом деле так.

– А обойти запрет никак нельзя? – поинтересовался Дагор. – Все равно заказчик умер, и неплохо было бы выяснить все обстоятельства.

– Не знаю, вроде как Дом может снять заклятие, – неуверенно предположил незнакомец.

– Полный Совет Дома своим постановлением в экстренном случае может разрешить разглашение, – подтвердила я. – С согласия заказчика или его наследников. Или, с императорской визой, без согласия.

– Наследников еще найти надо, – проворчал молодой.

– То есть вы нам ничего не расскажете, – задумчиво проговорил следователь.

– Увы, – я вздохнула, с трудом заставляя себя открыть гла-

за. – Боюсь, в нынешнем состоянии меня может убить и предупредительный удар заклятия.

– А что с вами, если не секрет? – Увидев, что я пытаюсь встать, мужчина аккуратно придержал меня за плечо, помогая. Ладони у него оказались очень сильные и грубые, как у привыкшего работать руками ремесленника. В прошлую встречу я не обратила на это внимания, а сейчас ослабленный организм оказался удивительно чувствительным ко всем тактильным впечатлениям.

– Истощение. Магическое и моральное. Заказ был очень трудный и в том, и в другом плане, – откликнулась я, разглядывая наконец третьего участника разговора. Это оказался действительно молодой – даже, кажется, моложе меня – мужчина без магических способностей. Довольно симпатичный, темноволосый, с чуть раскосыми выразительными глазами в обрамлении длинных густых ресниц.

– Судя по внешнему виду очевидцев, включая ваших коллег, вы очень талантливы, – задумчиво проговорил Дагор. – Вам раньше не доводилось создавать ничего подобного?

– Нет, – осторожно, ожидая приступа боли, отозвалась я. Вроде бы посчитать это разглашением было сложно, но кто знает эти клятвы!

– Вы не боитесь вида крови?

– Нет, – я растерянно пожала плечами. – С чего вдруг?

– Какие эмоции у вас вызывают образы физического насилия? – продолжил осторожно балансировать на краю опас-

ной темы собеседник, проигнорировав мое недоумение.

– Отвращение, – поморщилась я.

– Как вы чувствуете себя теперь?

– Опустошенной и измученной, – ответила честно. – Мне довольно долго придется приходить в себя после этого заказа, – продолжила осторожно, боли не было.

– Ночные кошмары? – вскинул брови Разрушитель.

– Иллюзионисты умеют управлять своими снами. Я думала, этому учат всех магов? – с некоторой растерянностью спросила я.

– Видимо, нет, – пожал он плечами. – Хотя, может быть, и напрасно. Ладно, я не буду вас сегодня дольше задерживать, – наконец, чуть поморщившись, мужчина качнул головой. – Скажите свой адрес, по которому вас можно будет найти, и можете быть свободны. Вы сумеете добраться домой самостоятельно?

– Да, думаю, смогу, – кивнула я, делая осторожную попытку подняться. Разрушитель, не вставая с места, аккуратно придержал меня под локоть, пристально разглядывая, видимо, ждал, завалюсь я или нет. Не завалилась, чему искренне порадовалась.

– Снаружи стоят патрульные, кто-нибудь из них проводит вас к выходу и поможет поймать экипаж. – Он кивнул молодому помощнику на дверь, когда я продиктовала свой адрес. Видимо, чтобы предупредил этих самых патрульных.

Путь к дому тоже плохо отпечатался в моей памяти, а вот

то, как меня долго и мучительно выворачивало над туалетом дома, я запомню, наверное, навсегда. Запоздалая реакция организма.

Впрочем, запоздалой я ее сделала сознательно. Чтобы без помех реализовать выданный дором Керцем заказ, пришлось здорово перелопатить внешние слои собственной личности: я ведь нормальный психически здоровый человек, я не могу спокойно и отстраненно воспринимать подобные вещи. Сейчас шелуха иллюзий спала и пришел неизбежный откат. Все то, что я упрямо сдерживала и складывала в дальнем углу собственного сознания, выплыло на поверхность. Дальше тоже будет несладко, но, надо надеяться, немного легче.

Напившись воды из-под крана и вновь прочистив желудок, я на дрожащих негнущихся ногах забралась в душ. Только там, сидя на холодном полу под льющейся на голову водой, сообразила, что неплохо было бы раздеться, и принялась безжалостно стягивать с себя роскошный наряд. Он в конце концов так и остался лежать сиротливой мокрой кучкой в углу, когда я, держась за стены, уползла в свою берлогу зализывать раны и рухнула в гамак, чтобы дать отдых изможденному организму. Однако как утомлена я ни была, а про необходимость сосредоточения на отсутствии снов не забыла.

Проснувшись, я долго лежала и разглядывала свою комнату в приглушенном свете откликнувшегося на мое пробуж-

дение свет-камня. Тихую, уютную, пустую. Самое главное – пустую.

Будто в насмешку над последней мыслью взгляд уцепился за лежащее на ковре окровавленное тело в бело-серебристом наряде. Крепко зажмурившись, я тряхнула головой, отгоняя видение, и осторожно села в гамаке. Открывать глаза было страшно. Даже несмотря на то, что я точно знала: это просто видение, игра света и фантазии.

Наконец я решилась осмотреться заново, заодно отдавая команду свет-камню. В ярком свете включенного на полную мощность прибора окружающий мир продемонстрировал мне старый и потертый серебристо-красный ковер с вытертым до белесого цвета проплешинами.

Интересно, как долго я буду пугаться красных пятен?

Отгоняя неприятные мысли, я слезла на пол и побрела в сторону кухни. Чувствовала себя разбитой и усталой, но сейчас эти ощущения были куда естественней, чем вчера, и не лишали способности думать. Может, к сожалению.

На меня безжалостно навалилось осознание произошедшего. Подозреваю, отнюдь не полное, моей фантазии просто не хватало, чтобы по достоинству оценить масштаб свалившихся неприятностей. Но и то, что я понимала, повергало в уныние.

Не нужно много ума, чтобы догадаться: меня подозревают в убийстве дора Керца. Да я сама себя готова была заподозрить! Конечно, это были только иллюзии, но вдруг я что-

то напутала? Вдруг не справилась с трудной задачей и что-то случайно материализовала? Такое редко, но случается. Или материализовала не случайно, а с помощью напарника?

С точки зрения следствия я была идеальным объектом на роль исполнителя. Или прикрытия для подлинного убийцы. Или...

В общем, поверить в мою непричастность сложно. Мне самой было сложно, что уж говорить о сыскарях! Учитывая, что следствие ведет Разрушитель, бессмысленно уповать на снисхождение, эти люди к нему не способны.

И надо же было такому случиться, что во всем Имперском Сыске Амарилики¹¹ не нашлось другого следователя! Остается только радоваться, что кроме меня и Пира о той давней истерической влюбленности никто не знает. Не представляю, как бы я общалась с этим человеком в сложившейся ситуации, если бы он был хоть немного в курсе или существовала вероятность, что он может узнать.

Когда мое уединение прервал звонок в дверь, я не удивилась, но все равно вздрогнула от неожиданности. Едва не заляпав книжку кофе, подскочила с кресла и заметалась, пытаясь сообразить, что делать: то ли сразу бежать открывать, то ли убрать со стола грязную посуду. В итоге все-таки схватилась за сковородку и тарелку, а выходя из кухни, обнару-

¹¹ Амарилика – столица Флоремтера, буквально переводится как «сестра Амарила», от названия реки Амарила. По разным версиям, это название произошло не то от созвучного старотерского «омарил», означавшего «драгоценность», не то от «амаре ли», «ползущая змея», не то из какого-то другого источника.

жила, что гости вошли и без моей помощи.

– Вы вообще никогда не запираете дверь? – нахмурившись, Разрушитель окинул меня изучающим взглядом.

– Почти, – пожала я плечами, почему-то чувствуя себя виноватой. Уточнять, что у меня уже три месяца не доходят руки починить дверной замок, и когда я все-таки запираю дом, делаю это с помощью иллюзии, я не стала. – У меня нечего брать, кроме книг, а они сами себя неплохо защищают.

– Это же глупо, – хмыкнул младший следователь, с непонятым удивлением озиравшийся по сторонам. – Вы молодая девушка, мало ли что может случиться?

– У нас тихий район, – пожала плечами. – Присаживайтесь. Может быть, кофе?

– Райончик тихий, вчера двоих зарезали, никто и не слышал, – усмехнулся себе под нос все тот же молодой.

– Да, пожалуйста, – странно поморщившись, перебил его Разрушитель. Я пожала плечами и ушла обратно в кухню, никак не комментируя неуместную и явно дежурную шутку.

Станный этот Дагор. И непонятно, не то все маги данного направления такие, не то это последствия плена. Особенно голос странный – как будто, будь его воля, он бы вообще шептал.

Когда я с небольшим подносом вернулась в комнату, оказалось, что у сыскарей нашлось занятие поувлекательней, чем просиживать штаны. Старший с видимым интересом изучал корешки книг на полках, разумно не прикасаясь к

ним руками, а младший, сцепив руки за спиной, внимательно разглядывал сваленные на столе вещи.

– Может, вы скажете, что именно ищете? Я помогу, – не удержалась я от усмешки.

– В самом деле? – с некоторой поспешностью спросил младший, пытаясь спрятать за деловитостью смущение.

– Да во имя Инины, ищите что хотите, – поморщилась я, водружая свою ношу на стол. – Я Иллюзионист, не убийца, что бы вы ни успели себе придумать.

Мужчины переглянулись и молча уселись за стол.

– Скажите, Лейла, какие отношения связывали вас с дором Керцем? – начал младший.

– Деловые, – вздохнула я, понимая, что мне вряд ли кто-то поверит.

– А как давно?

– За три дня до зимнего солнцеворота я увидела его первый раз в жизни в этой самой комнате, и мы заключили договор.

– И вы хотите сказать, что дор Керц...

– Да не был он моим любовником! – Я раздраженно всплеснула руками. – На чем мне нужно поклясться?! Клятва мало, так пойдемте хоть сейчас к Целителю, он вам подтвердит, что я вообще ни с кем за последние...

– Лейла! – тихо рыкнул Разрушитель, неведь как оказываясь рядом со мной. Навис скалистым утесом, незбылемым и мрачным, еще сильнее выводя из равновесия своей

подавляющей жуткой силой. Крепко схватил за плечи, легонько встряхнул. Челюсти звонко клацнули, чудом не прикусив язык. – Возьмите себя в руки! – строго велел он, еще раз встряхнул меня и силком усадил в кресло. Сунул в руки неизвестно откуда взявшийся стакан воды, – наверное, помощник принес. – Выпейте.

Я залпом, захлебываясь, выпила воду, стуча зубами о край стакана. Неожиданно действительно полегчало, я сумела благодарно кивнуть и вернуть пустую емкость. Утирая подолом рубахи лицо, с удивлением отметила, что успела расплакаться.

– Простите, – вздохнула, растирая щеки ладонями.

– Это последствия заказа? – с непонятной интонацией проговорил Дагор, а я лишь кивнула. – Может, нам прийти позже?

– Не думаю, что ваше дело подождет неделю-другую, пока я приду в себя, – скривилась я. – Спрашивайте, я постараюсь держать себя в руках.

– И часто у вас случаются такие... последствия? – Мужчина почему-то не спешил переходить к делу. Кажется, сейчас его гораздо сильнее интересовали другие вещи..

– Иногда, – я пожала плечами. – После сложных объемных работ, когда нужно слишком сильно измениться.

– И так бывает со всеми Иллюзионистами? – продолжал допытываться Разрушитель.

– А все Разрушители разговаривают шепотом и хрома-

ют? – вскинувшись, огрызнулась я. – Задавайте вопросы по делу, а это все вы можете спросить у Пира!

– Да, извините, – чуть поморщившись, кивнул он. При- тихший и ошарашенный помощник молча сидел в кресле, переводя озадаченный и даже почти напуганный взгляд с меня на коллегу. – Вы в курсе, что последние пару недель в са- мых верхах ходят слухи, полагающие вас невестой дора Кер- ца?

– Пару дней назад видела газету, – не находя нужным что- то скрывать, ответила я.

– И что вы об этом думаете?

– Мне это категорически не нравится.

– Мне казалось, подобные слухи обычно льстят девуш- кам. – Разрушитель удивленно вскинул брови.

– Вам именно казалось, – поморщилась я. На этот раз сра- зу сообразив, что начинаю раздражаться, я поспешно оку- талась иллюзией спокойствия и безразличия, загнав эмоции поглубже. – Точнее, возможно, кому-то подобное и льстит, а таким, как я, ничего, кроме неприятностей, от этого ждать не стоит. Безродная сирота не пара дору, и это даже в том слу- чае, если бы под этими слухами лежало какое-то прочное ос- нование. Учитывая же, что все это откровенная ложь, впору начинать паниковать. Кому-то ведь зачем-то понадобилось приложить определенные усилия, чтобы... – мой сдержан- ный монолог прервал хлопок входной двери, и через мгно- вение в комнату буквально влетел Хар.

Друг был заметно встревожен. Взглядом быстро обежал присутствующих, отчего-то дольше задержавшись на младшем следователе, потом так же стремительно подошел ко мне и опустился рядом на корточки.

– Как ты, хорошая моя? – странным, будто слегка осипшим голосом спросил он, крепко сжимая мою ладонь. От подобного обращения я настолько опешила, что с трудом возведенные иллюзии махом осыпались.

– Нормально, – только и смогла выдавить. – А ты...

– Я зашел проверить, как ты. Заодно проконтролировать, кто и какие вопросы будет задавать, – друг без труда понял невысказанный вопрос, а последняя его фраза адресовалась скорее сыскарям.

– А вы, насколько я помню, кровник Лейлы? – чуть прищурившись, Разрушитель внимательно оглядел Хара.

– Да. А еще я человек, который не позволит повесить на нее то, чего она не совершала!

– Гор, это же... – потрясенно разглядывая Хара, подал голос младший следователь.

– Вопросы свои будете задавать при мне! – решительно оборвал его друг. – Лель, ты им никаких глупостей не успела наговорить? Сыскари вообще ни в чем не имеют права тебя обвинять, не волнуйся.

А я молча сидела на своем месте и совершенно не понимала, что происходит.

Хаарам казался гораздо более встревоженным, чем это

могло быть, просто прочитай он газеты. Вернее, он *выглядел* встревоженным, а для Иллюзиониста его уровня это уже странно. Не говоря о том, что я, как кровница, чувствовала, что это не маска, это действительно рвутся наружу подлинные эмоции. Кроме того, друг был уставшим и взъерошенным, как будто всю ночь не спал, а работал как проклятый. Я сейчас почти не узнавала всегда уверенного в себе, вальяжного и ироничного Хара – куда девались его кошачьи повадки?

И с сыскарями он разговаривал так, будто имел право ими командовать. А младший из этих двоих, кажется, хорошо знал моего кровника, и знание это его шокировало.

– А вы-то тут что вообще делаете?! – взвился младший наконец. – Насколько я знаю, дело поручено...

– МОЛЧАТЬ! – вдруг рывкнул Разрушитель так, что все вздрогнули. Голос прозвучал громко, резко, хрипло, и приказ этот сработал лучше любых чар. И начавший возмущаться следователь, и взъерошенный Хар послушно затихли и замерли, как зачарованные наблюдая за старшим сыскарем.

А тот мучительно скривился, будто от боли, несколько раз сдавленно кашлянул, прикрыв ладонью рот. Потом, глянув на руку, поморщился, достал из кармана покрытый россыпью мелких бурых пятен платок, вытер алую кровавую пыль с пальцев и губ.

– Гор, ну зачем, ты же... – с виноватым видом начал младший.

– Халим, держи себя в руках и не скатывайся в истерику, ты этим никогда не добьешься ничего хорошего, – сиплым полупшепотом оборвал его Разрушитель. – А вы, молодой человек, прежде чем орать и обвинять старшего по званию во всех смертных грехах, могли бы для начала выяснить, что происходит. С вашей стороны это выглядит полным непрофессионализмом, а для кого-то – и служебным несоответствием, – все тем же тоном продолжил он отчитывать Хара. Тот выглядел ошарашенным. – Никто вашу кровницу пока ни в чем не обвиняет. Сейчас она – свидетель, а вы своим поведением только дискредитируете ее и заставляете усомниться, так ли все в ее словах и поступках гладко, – и он вновь закашлялся, прижав платок к губам.

– Может, позвать Целителя? – робко предложила я. Зирц-ай-Реттер только тряхнул головой, не прекращая кашлять. Настаивать я не стала, хотя, по моему скромному разумению, когда человек кашляет кровью, это как раз очень весомый повод обратиться к специалисту. – Ну, тогда, может быть, лекарство какое? – без особой надежды предложила я, хотя лекарств у меня в доме почти не было. – Или хотя бы воды?

– У вас, случайно, нет молока? – с сочувствием глядя на заходящегося кашлем напарника, спросил Халим (наконец-то я знаю, как его зовут). – Лучше всего теплого, – добавил он с виноватой улыбкой.

– Сейчас сделаю, – с готовностью подорвалась я и ушла в

кухню, игнорируя недовольные гримасы старшего сыскаря и мрачные взгляды Хара.

Вернулась я в гробовую тишину. Хорошо хоть, не в скандал! А то Хаарам со своими порывами и Разрушитель со своим кашлем и так меня здорово напугали, пусть лучше тихонько молчат.

Приняв из моих рук стакан подогретого молока, мужчина медленно небольшими глотками его выпил. Прикрыв глаза, сделал глубокий вдох и кивнул.

– Спасибо, – произнес он. – Вы двое, выйдите, погуляйте, дайте спокойно поговорить, – велел Разрушитель, и – чудо! – его действительно послушались оба. Только, поймав мой взгляд, Хар перехватил двинувшегося к выходу следователя за локоть и потянул в сторону внутреннего двора.

– Я могу чем-нибудь еще помочь? – неуверенно проговорила я, потому что Разрушитель не торопился начинать разговор, вместо этого с задумчивым видом массируя горло.

– Что? – опомнился он и, будто очнувшись, сфокусировал взгляд на моем лице. – А, нет, это... не лечится. – Он раздраженно поморщился.

А я поняла, что никогда больше не позволю себе высказываний о его здоровье. Потому что до меня наконец дошло, в каких условиях провел этот человек все те годы, которые его считали погибшим, и что стоит за расплывчатой фразой Пира «плен его здорово покалечил». Вернее, появились определенные догадки, а подробности знать совершенно не хоте-

лось.

Калиширская война окончилась чуть меньше пяти лет назад. Калишир, один из самых крупных наших соседей, двадцать лет назад попытался воспользоваться сменой власти в нашей стране, – отец нынешнего императора умер преждевременно, и наследник тогда едва разменял третий десяток, – но получил весомый щелчок по носу. Сначала полыхало на границе, потом уже наши войска перешли в наступление, и в итоге закончилось все сокрушительной победой Флоремтера¹².

Но, к стыду своему, политикой и государственными делами я совершенно не интересовалась, а в то время – особенно. Слишком была занята учебой и сопутствующими проблемами, чтобы переживать о событиях, происходящих чуть ли не на другом конце страны. А вот Разрушитель, если судить по возрасту – на вид мужчине было около сорока, – мог провести на этой войне всю жизнь начиная с юности. Маги его специальности, пожалуй, только в армии и встречаются, да вот изредка в сыске.

Дальше разговор пошел спокойно и по существу. Впрочем, как раз по существу я многого сказать не могла просто потому, что не знала. Но Дагор внимательно выслушал все мои предположения и рассуждения, задал несколько общих вопросов – о финансовом состоянии, о родителях, об отсут-

¹² Флоремтер – государство, в котором происходит действие. Название буквально переводится со старотерского как «благословенная земля теров».

ствии личной жизни. Правда, придрататься там было не к чему, все вопросы были заданы исключительно вежливо, без снисходительности и насмешек.

– А могу я взглянуть на договор? – в конце концов поинтересовался следователь.

– Да, разумеется, – поскольку в самом договоре не было ничего секретного, я подошла к столу и открыла внушительный деревянный ларец, в котором хранила документы.

Вот только договора, лежавшего пару дней назад сверху стопки, не было.

Заледенев, я принялась торопливо, один за другим перебирать разнокалиберные листки, пристально вглядываясь в подписи на контрактах.

– Он пропал? – со странной удовлетворенностью в голосе уточнил Разрушитель.

– Нет, он был здесь, сейчас найду, – чувствуя себя застигнутым на месте преступления воришкой, пробормотала я.

– Не трудитесь. Копия из Дома Иллюзий тоже пропала, – мягко пояснил он. – И экземпляр дора Керца не нашли. Зато нашли вот это, – и мужчина протянул мне небрежно сложенный вчетверо лист плотной гербовой бумаги. Растерянно хмурясь, я развернула его и вчиталась в идеально ровные строчки, написанные каллиграфическим безупречным почерком.

– Я... не знала... откуда? Почему?! – Пытаясь уцепиться рукой за воздух, я рухнула в кресло. Ноги подкосились, ды-

хание перехватило, а перед глазами заплясали черные мушки. – Хар! – тихо прохрипела, пытаясь откусить хоть немного вдруг окаменевшего воздуха. Мушки перед глазами слились в крупные пестрые пятна, окончательно скрывшие картину реальности. Сознание почти покинуло меня, когда в легкие вдруг хлынул воздух с горьким лекарственным привкусом, не с трудом, сквозь сдавивший горло спазм, а сплошным потоком, как будто я махом проглотила порыв ветра. Резко усилившееся давление в груди вырвало из меня каким-то чудом обретенный воздух, и вновь кто-то сделал за меня горький глубокий вдох.

На этот раз я выдохнула сама и, часто-часто моргая, открыла глаза, наслаждаясь возможностью дышать самостоятельно.

– Выбирай, – мрачно проговорил Хаарам, чье лицо было первым, что я увидела. – Или ты ложишься в госпиталь, или сегодня же я нахожу тебе сиделку, или кто-то из наших переселяется к тебе, или ты к кому-нибудь.

– Хар, это...

– Это была остановка дыхания, Лель, – оборвал меня он. – И если бы я не знал, где у тебя лежит ингалятор, и не умел делать искусственное дыхание, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Хар, я справлюсь сама, – попыталась возражать я.

– Значит, так, – друг поднял меня с пола, перекладывая на диван, после чего встал сам. – Я не знаю, почему ты не мо-

жешь рассказать о причинах своей болезни даже Пиру, и не имею ни малейшего понятия, почему не хочешь обратиться к Целителям. В конце концов, ты взрослый человек и имеешь право на секреты и глупости. Но я как твой кровник обязан следить, чтобы ты не навредила сама себе. Пир скажет то же самое, будь спокойна.

– Не говори ему! – взмолилась я, торопливо садясь. – Он меня убьет!

– Правильно сделает, – скривился Хар. – И – нет, я ему обязательно все расскажу. Вы узнали все, что хотели? – мрачно воззрился он на следователей.

– Пожалуй, да, – кивнул Дагор. – Поправляйтесь, Лейла, – пожелал он, поднимаясь с дивана.

– Это не лечится, – вздохнула я в ответ. – Успехов в расследовании.

Дагор

Это дело с самого начала обещало быть муторным и запутанным, не люблю политические смерти. А смерть Дайрона Тай-ай-Арселя относилась как раз к таким, даже если выпотрошил его отец без вести пропавшей девушки или кто-то из дружков по грязным делам. Уже одни только обстоятельства смерти обещали много ненужных проблем! А непосредственный контроль расследования императором придавал паники непосредственному начальству и головной боли – мне. Вот уж о чем никогда не мечтал, так это лично отчитываться Его Величеству о каждом чихе.

Вчера по горячим следам удалось выяснить совсем немного, допрос свидетелей никакой явной информации не дал, да и криминалисты, осматривавшие место преступления, пока не могли сказать ничего конкретного. Единственный вывод, к которому я успел прийти за вечер, что эта Пирова ученица Лейла – очень талантливая девочка. Заставить проблеваться от вида ее творений немолодого мастера Иллюзий, оказавшегося свидетелем, дорогого стоит.

С этой девочкой вообще много вопросов и много странностей. Тай-ай-Арсель, хоть о мертвых и нельзя говорить плохо, был редкостной дрянью, но дрянью хитрой и очень, очень умной, и если ему зачем-то понадобилась магистр Шаль-ай-Грас, надо непременно это выяснить.

Во внезапную его влюбленность в какую-то девочку с улицы я не поверю никогда, такое бывает в книжках, а не в жизни. Она, конечно, симпатичная, но не настолько, чтобы всерьез заинтересовать этого человека. Если, скажем, она его нагулянная где-то дочь, а по возрасту такое вполне возможно, тоже много странного. Не мог он вдруг вспылать родственными чувствами! Да и попытка шантажа с ее стороны выглядит смешно. При всем богатстве моей фантазии я не могу представить чего-то такого, из чего дор Керц не сумел бы вывернуться и в чем бы его еще не обвиняли. Массовое пожирание детей с доказательствами? То-то и оно, что глупо.

Нет, скорее всего, их действительно связывала только работа. А вот один ли контракт на организацию Безумной Пляски, это вопрос. Если, опять же, именно об этом ее просил именно он, что пока никак невозможно проверить. Да и завещание пока никуда не укладывалось, и слухи об их якобы близости и чуть ли не о назначенном дне свадьбы. Лейла говорила правду обо всем этом и действительно не знала о завещании? Или играла? Приступ удушья выглядел удивительно натурально, но с Иллюзионистами никогда нельзя знать наверняка. Предположим, она вполне могла разыграть этот спектакль, заранее договорившись со своим приятелем... Или не договорившись, а аккуратно используя его в темную. Сам ли он так удачно прибыл одновременно с нами или получил какой-то сигнал от кровницы?

Не люблю Иллюзионистов. Самая дрянная магия.

Впрочем, все это голые умозаключения, не подкрепленные фактами, а с последними пока глухо. Не стоило слишком разгоняться и придумывать версии. Для начала неплохо бы ознакомиться с результатами вскрытия, выяснить способ и время убийства, внимательно прочитать результаты осмотра места происшествия со всеми заключениями всех специалистов.

Но на все это требовалось время, а по дороге в Управление я решил раздобыть немного информации о пока единственной подозрительной фигурантке этого дела. Благо источник подобных сведений у меня на примете был. Наставник, конечно, человек весьма предвзятый, но начинать всегда стоит именно с близких людей.

– Гор? – Пирлан удивленно вскинул брови, обнаружив меня на пороге собственного дома. – Что случилось?

– Почему ты решил, что что-то случилось? – уточнил я, проходя вслед за хозяином внутрь.

– Да я уж не помню, когда ты просто так заходил в гости без пинка с моей стороны, – рассмеялся он. – Выкладывай, что привело тебя ко мне в этот неурочный час?

– Расскажи мне о своей воспитаннице, Лейле, – попросил я, неловко устраиваясь на подушках на полу.

– Зачем? – серьезно нахмурился Пир. – Она все-таки куда-то вляпалась с этим контрактом?!

– А ты в курсе этой истории?

– Я в курсе заказчика и клятвы о неразглашении. Мне ка-

жется, этого вполне достаточно для беспокойства.

– Она организовала на празднике в его доме Безумную Пляску. Судя по реакции гостей, весьма достойно... Стой, ты куда?! – Я едва успел поймать друга за штанину.

– Да она совсем сдурела! – Он эмоционально всплеснул руками. – Куда же с ее головой?! Она там с ума сойдет в одиночестве после такого, если до сих пор...

– Не спеши. Когда я уходил, с ней оставался кровник, который Хаарам. Хороший парень. – Я не удержался от усмешки. – И он как раз в ультимативной форме требовал, чтобы она временно переехала к нему или кому-то из друзей.

– А, это меняет дело, – облегченно вздохнул Пир. – Но все равно. Ты уверен? Как она?

– Жива, на первый взгляд ум при ней, – поморщился я. – Сядь и расскажи. Что у нее с головой? И что это за приступы удушья? Ну и вообще, что она из себя представляет. Я понимаю, что тебе каждый ученик безгрешен, но мне надо знать, на что она способна и действительно ли ни в чем не замешана.

– погоди, а что ты расследуешь-то? Безумную Пляску?

– Не сказал? Во время этого представления был зверски убит дор Керц. А все имущество и титул он завещал твоей Лейле. Как думаешь, у меня есть повод интересоваться личностью этой девушки?

– Кхм. Да уж. – Пирлан покачал головой. – Вот это история. Но я тебя не порадуя, я понятия не имею, какое от-

ношение она может к этому иметь. Лейла хорошая девочка. Правда хорошая, а не потому, что она моя ученица. Судьба вот только... Она сирота, но это только предположение. Сама Лейла думает, что в детском доме провела всю жизнь и ее туда подбросили в младенчестве. На самом деле ее, чуть живую, закутанную в рваную простыню, нашли патрульные. Ей тогда было лет пять, и дар уже был проявлен. Она совершенно ничего не помнила, хотя через неделю заговорила, показав нормальное для своего возраста развитие. Целители сделали вывод о какой-то тяжелой психической травме, но выяснить подробности не удалось, как не удалось найти ее родителей. Лекари решили, что для девочки будет лучше вообще не задумываться об этом периоде жизни, потому что попытки что-то вспомнить вызывали у нее тяжелейшие мигрени и истерические припадки. Что касается удушья, это началось с четырнадцати лет. С ней опять случилось что-то очень нехорошее, причем случилось в стенах Дома Иллюзий. Я... подозреваю, – тяжело выдавил Пир, нервно ломая пальцы и глядя в пол. – Повторяю, я *подозреваю*, имело место насилие. Я не смог выяснить, правда ли или нет и кто это сделал, она слишком боялась и не хотела ничего говорить. Хуже всего, я подозреваю, что это был кто-то из Владык Иллюзий или, может быть, их сыновей, – вздохнул он. – Потому что возможность после обучения остаться в Доме приводила ее в куда больший ужас, чем возможность сойти с ума без поддержки приличного камня. Но она так и не призналась, не

мог же я на нее давить! Факт остается фактом: страх и удушье. Очень может быть, сейчас она это событие, как и то, что произошло с ней в детстве, похоронила глубоко в подсознании. Я с того момента начал за ней внимательно приглядывать, стал ее кровником. До недавнего времени, пока в ее жизнь не вломился этот проклятый дор Керц, чтобы его Караванщик волоком тащил, мне казалось, все наладилось. Если говорить о личных качествах, Лейла добрая, ответственная, сочувствующая, самоотверженная. Бойтся решительно всего вокруг, но у нее столь сильная воля и характер, что об этом почти никто не знает. Она вообще очень скрытная, бойтся доверять даже кровникам. А еще слишком эмоционально чувствительная даже для Иллюзионистки – в пятнадцать лет эта девочка умудрилась без памяти влюбиться в портрет в газете. Гор, она не убивала эту мразь, я тебе клянусь чем хочешь! Она готова была от него на край света бежать, но таким людям не отказывают. Во всяком случае, не те, кто является для них пылью под ногами. К тому же в качестве задатка он дал очень крупный и чистый топаз, и это был достойный повод рискнуть. Я бы на ее месте тоже рискнул.

– Вот как, – пробормотал я, потому что надо было что-то сказать. – Действительно, не повезло девочке. Может, ее кто проклял?

Полученная от Пира информация особой ясности не прибавила. Конечно, я готов поверить, что магистр Шаль-ай-Грас действительно ни в чем не виновата, а просто явилась

жертвой обстоятельств. Вот только насколько случайна была эта жертва? Связаны ли хоть какие-то из трех случившихся с ней бед между собой или просто Инина за что-то сильно ее не любит?

Да и... месть – очень весомый мотив, чтобы наступить на горло совести и попытаться обмануть весь мир. Никаких гарантий, что эта скрытная девушка действительно забыла о своих бедах, у меня не было. А Тай-ай-Арсель – фигура такого масштаба, рядом с которой меркнет власть Владык Дома Иллюзий. Пообещав Лейле расправу над обидчиком, дор Керц вполне мог заручиться ее искренней и добровольной поддержкой. Но тогда мотива для убийства этого человека у нее тем более нет! Или помощь ей пообещал кто-то третий, в качестве платы потребовавший смерти Тай-ай-Арселя?

Тьфу, опять я скатываюсь в область предположений и со-
слагательного наклонения. Факты, нужны факты, а их как раз нет. Только слова, слова, слова... и иллюзии.

– Глупости, при чем тут проклятие, – махнул рукой Пирлан. – Но пообещай мне докопаться до сути, ладно?

– А то ты плохо меня знаешь.

– Хорошо, но... я волнуюсь за нее. Она слишком хрупкая, чтобы выжить в одиночестве, и слишком замкнутая в себе, чтобы разделить с кем-то проблемы. Ей бы влюбиться как следует, в хорошего человека!

– А при чем тут я? – не удержался я от гримасы.

– Извини, – смутился Пир. – Просто мысли вслух. Хотя у

тебя в жизни схожая проблема...

– Пир, еще ты не начинай копать в моей душе, – огрызнулся раздраженно. – Без тебя хватает желающих перелопатить ее вдоль и поперек!

– Извини, – виновато улыбнулся кровник. – Рефлекс воспитателя, ничего не могу с этим поделать. За всех волнуюсь, пытаюсь решать чужие проблемы.

– Бывает, – обтекаемо отозвался я, не желая вступать в полемику. – Черкни записку, к кому в гости подастся твоя проблемная ученица. Есть ощущение, что кое-кто в ближайшем будущем пожелает с ней познакомиться, не хочется потом искать ее по всему городу.

– Кто? – нахмурился Пирлан.

– Это дело курирует Его Величество лично, а наш император на диво любознателен, – отмахнулся я, с трудом поднимаясь на ноги.

Лейла

Хар, сдав меня с рук на руки Бьорну, скрылся, так и не ответив ни на один из вопросов. Впрочем, по сути вопрос один и старый: кто такой Хаарам? Вернее, ответ я получила, но он мало отличался от прежних. И был, если честно, справедливым: откровенность за откровенность. А я не для того старательно оплетала паутиной иллюзий собственный разум на протяжении стольких лет, чтобы пожертвовать всем этим во имя праздного любопытства.

Я возражала кровникам, что прекрасно смогу прожить в собственном доме, но в глубине души была благодарна им за упрямство. Под крышей огромного дома Берггаренов мне стало спокойней и легче дышать, и сейчас я с наслаждением потягивалась под одеялом. Привычное к гамаку тело поначалу капризничало, но потом признало удобство по-солдатски жесткой широкой кровати.

Мне всегда нравилось гостить у Бьорна. Наверное, следствие сиротской жизни, но этот дом я просто обожала, всегда завидовала другу белой завистью и мечтала, что когда-нибудь у меня будет такой же. Дело было не в размерах и богатстве, дело было в семье.

Общинные привычки далеких халейских предков Бьорна вылились в то, что один-единственный дом недалеко от центра города, поглотив соседей, с годами превратился в огром-

ный особняк-поместье, занимающее целый квартал. И в доме этом проживал почти весь клан Берггаренов; по традиции, сыновья селились поближе к родителям, или вовсе приводили жен в родительский дом, и только дочери отправлялись в семьи мужей. У нас когда-то царили подобные порядки, но сейчас все старались обзаводиться своим жильем, причем подальше от родного дома. А Берггарены продолжали традиции предков.

В этих стенах всегда звенел детский смех, в зеркалах множились отражения фамильных огненно-рыжих кос, и сам воздух пропитывало ощущение *дома*. Здесь всегда было тепло, уютно и всегда радовались гостям.

– Привет, Лейла! – Дверь с грохотом распахнулась, впуская пятнадцатилетнюю девушку совершенно хулиганского вида с двумя растрепанными косами.

– Привет, Фьерь, – только и успела ответить я, прежде чем на меня обрушились почти семьдесят килограммов живого веса. – Уйди, медведица, раздавишь! – возмущенно принялась я сталкивать подростка с себя. Это ей по возрасту пятнадцать, а по росту она выше меня, и продолжает расти. Гены сказываются, в роду Берггаренов мелких нет.

Гордая полученным прозвищем, Фьерь позволила себя стряхнуть.

– Это здорово, что ты у нас в гостях, – сообщила она. Почему-то с самого нашего знакомства шесть лет назад Фьерь прониклась ко мне огромной симпатией и доверием. – А ты

долго планируешь спать? У нас сейчас уроки верховой езды, я хотела тебя позвать.

– Да я та еще всадница, – не удержалась я от улыбки.

– Ну и ладно, на корде погуляешь. Или ты собираешься весь день в кровати проваляться? – Она удивленно вскинула брови.

– Я об этом пока не задумывалась, – весело хмыкнула. – Теперь-то уже вряд ли.

Понукаемая непоседливой девчонкой, я поспешно оделась, благо, чтобы натянуть штаны и рубашку, много времени не нужно. Обрадованная Фьерь ухватила меня за руку и поволокла на буксире к выходу, чтобы прямо в дверях столкнуться с еще одним посетителем.

– Ой! – звонко воскликнула будущая грозная воительница, с недовольным видом потирая лоб. – Ой! – уже с другой интонацией произнесла она, рассмотрев, в чье могучее плечо с разгона влетела. – Доброе утро, деда! – взвизгнула Фьерь, повисая на шее высокого статного мужчины, возраст которого выдавала лишь абсолютно седая шевелюра, собранная в короткую косицу, да россыпь морщин вокруг глаз и губ, придававшая и без того суровому лицу налет грубой жестокости. Не свойственной, впрочем, этому всемирно известному полководцу. – Ты уже вернулся?!

– Нет, я еще в Сионе, – с абсолютно серьезным лицом качнул головой мужчина, чем вызвал еще одну волну радостного звонкого хохота.

– Гар Оллан, доброе утро, – вежливо поздоровалась я на халейский манер. Почему-то за время знакомства с этим человеком у меня ни разу не получилось воспользоваться в беседе с ним каким-нибудь иным обращением. Мужчина чуть усмехнулся одними губами и ответил:

– Здравствуй, Лейла. Хорошо, что ты уже проснулась, сэкономим время.

– То есть? – похолодела я. Подумалось, что сейчас он велит собирать свои вещи и убираться восвояси.

– А как же верховая езда? – обиженно протянула Фьерь.

– Тебя я не задерживаю, – вскинул брови генерал, и девочка, лишь грустно вздохнув, без возражений удалилась. – Пойдем, нас уже ждут.

– Кто? – не удержалась я от вопроса, мучимая противоречивыми эмоциями. С одной стороны, облегчение: меня явно не собирались выставлять из дома, и вообще генерал был настроен довольно благодушно. А с другой... слишком велика честь, чтобы сам Оллан Берггарен куда-то меня сопровождал!

– Его Величество, – пожал плечами мужчина с таким видом, будто сообщал прогноз погоды на завтра.

– Зачем я ему?! – испуганно пробормотала я.

– Ему интересно посмотреть на ту, кто по завещанию его родственника станет наследницей доррата¹³ Керц, – вновь пожал плечами генерал. – Да не пугайся так, – он вновь под-

¹³ Доррат – форма административного деления земель.

бодрил меня скупой улыбкой, – это неофициальная встреча без лишних ушей.

– А почему вы...

– Потому что ты кровница моего сына и гостя моего дома, – терпеливо пояснил Берггарен. – Не могу же я бросить тебя в такой паскудной ситуации, – прямолинейно сообщил он.

– Спасибо, – с трудом выдавила я.

– Пока не за что, – отмахнулся генерал, распахивая очередную высокую двустворчатую дверь и пропуская меня вперед.

В небольшой уютной гостиной, оформленной в сдержанных бело-голубых тонах, Разрушитель смотрелся чужеродным элементом, жутковатой одинокой кляксой.

Обернувшись на звук шагов, он наткнулся взглядом на хозяина дома и, опираясь на подлокотник, поспешил встать.

– Господин генерал-лейтенант, честь для меня, – Дагор с видимым трудом выпрямил спину, вытянувшись по струнке.

– Вольно, подполковник. Это для меня честь принимать вас в своем доме, – неожиданно возразил Оллан. – Жалко только, при таких обстоятельствах.

– Я прибыл...

– Да, я в курсе. Хорошо, что именно вы занимаетесь этим делом – у него есть шанс быть рассмотренным непредвзято. Пойдемте, воспользуемся моим экипажем, негоже заставлять Его Величество ждать.

И, подавая пример, генерал решительным уверенным шагом двинулся к выходу, не делая попыток завести светскую беседу ни со мной, ни с Разрушителем. Впрочем, я бы удивилась, если бы гар Оллан Берггарен вдруг заразился от кого-то многословностью, улыбочивостью и чуткостью. По всем рассказам и моим немногочисленным личным наблюдениям, это был суровый грубоватый воин, прирожденный боец и защитник. За ним вся его огромная семья находилась как за могучим утесом – защищающим от ударов бури, но не делающим даже попытки морально поддержать в минуты душевной слабости и сомнений. Рядом с ним безопасно, но одиноко, и этого молчаливого мужчину, бесконечно уважая, побаивались даже собственные дети. Что уж говорить о посторонних людях? Одна только миниатюрная, пухленькая, очень добрая женщина, его жена Лайали, немного смягчала характер мужа.

За все время дружбы с Бьорном я видела генерала Оллана всего несколько раз, мельком: он никогда не баловал своих детей излишним вниманием, предпочитая семейному уюту службу. И теперь чувствовала себя очень неловко, когда мне вдруг в столь прямолинейной манере дали понять, что генерал планирует выступить моим защитником.

Подобная новость, несмотря на лестность, не радовала. Значит, ситуация действительно настолько серьезная, что он нашел уместным вмешаться. Значит, теперь мне еще внимательнее надо следить за каждым своим шагом и словом,

чтобы оправдать оказанную честь – протекцию самого Оллана Берггарена. Потому что подвести его было страшно. Я не опасалась мести, просто тень презрения и разочарования в глазах этого человека способна втоптать в грязь и более самоуверенного и сильного индивида, что уж говорить обо мне?

О том, куда мы сейчас движемся и с кем мне предстоит встретиться, я старалась не думать. Впрочем, получалось плохо, и одна за одной перед глазами вставали безрадостные картины ближайшего будущего.

Я с детства опасалась людей, облеченных большой властью. Позже поняла, что опасение было более чем обоснованным: власть развращает, застит глаза и выедаёт сердце. Поэтому я не то что не гналась за богатыми влиятельными людьми высокого происхождения, но бежала от них как от чумы. Исключением стали разве только Бьорн со своим семейством, но Берггарены привлекали отнюдь не деньгами и связями, а тем, что были *семьей*. Болтая с непосредственной Фьерью или обсуждая что-нибудь девичье с Тарьей, двоюродной сестрой Бьорна, я могла хоть ненадолго почувствовать себя частью того единого организма, каким был огромный дружный клан.

Рыжая помойная кошка, жалкая сирота в потертых штанах; у меня не было никакого права не то что общаться с Его Величеством, а просто ступить на территорию Полуденного дворца.

Тревога, даже почти страх, окутала все мое существо. Я поняла, что еще немного, и такими темпами я лягу с очередным приступом удушья прямо посреди дворцового коридора.

Впрочем, выход из ситуации нашелся быстро. Не задумываясь, я отдалась на волю иллюзий, позволяя чарам лечь поверх нервного кокона эмоций, спеленать их, свернуть и спрятать в самую глубину моего «я».

Генерал Берггарен быстрым четким шагом, за которым едва поспевал не только хромающий сыскарь, но и вполне двуногая я, маршировал по коридорам в сторону выхода. Попадающиеся навстречу слуги и родственники привычно шарахались в стороны. Причем ни те ни другие не тратили время на приветствия. Насколько я знала из рассказов Бьорна, привлечь внимание спешащего гара Оллана было не только сложно, но и опасно, если вдруг угораздит попасть под горячую руку.

Такой процессией мы пересекли холл. По-прежнему не оглядываясь, Берггарен толкнул тяжелую входную дверь, выходя наружу. На всякий случай выставив руки, чтобы не пришибло, я все-таки успела прошмыгнуть следом, а идущий за мной Разрушитель без особого труда удержал дубовую машину.

Остановился гар Оллан только возле тяжелого, крашенного в черный цвет экипажа без гербов, скорее напоминавшего боевую машину, чем мирное транспортное средство.

Открыл дверь и обернулся, галантно предлагая мне ладонь. Растерянность от неожиданной вежливости генерала пропала быстро, стоило обнаружить отсутствие привычной лесенки. Учитывая же, что пол экипажа находился чуть ниже моего пояса, предложенной помощи могло и не хватить.

Произошедшую со мной за время пути перемену генерал встретил намеком на снисходительную усмешку и внимательным взглядом, но и только.

Кое-как вскарабкавшись в полутемное нутро экипажа, я вспомнила о Разрушителе и поспешно обернулась, чтобы помочь. Запоздало сообразив, что вряд ли мужчина согласится эту самую помощь принять, обнаружила, что сыскарь со своей проблемой справится самостоятельно. Ухватившись за какие-то выступы верхнего края низкого дверного проема, он легко подтянулся и втокнул себя внутрь машины, я едва успела отступить, освобождая место. К моему удивлению, генерал попал внутрь тем же маршрутом и, устроившись напротив меня и Разрушителя на жесткой лавке, легко постукал по перегородке, отделявшей нас от водителя. Экипаж тронулся с места, плавно ускоряя ход.

– Гар Оллан, разрешите задать вопрос? – поражаясь собственной храбрости (впрочем, чему удивляться, если она тоже была частью иллюзии?), проговорила я. Генерал кивнул, чем несколько меня приободрил. – А почему у вас такой странный экипаж и вход в него?

Я ожидала, что ответят мне неодобрением или недоволь-

ством, – слишком праздным был вопрос, – но оба мужчины неожиданно весело усмехнулись.

– Это не экипаж, Лейла, – с шокирующим благодушием пояснил генерал. – Точнее, не совсем экипаж. Это старый, времен начала войны, бронеход «Аяс-4.2». Защищенная машина высокой проходимости.

О бронеходах я слышала, причем от Бьорна. Не получившие широкого распространения ввиду высокой стоимости, капризности и каких-то еще непонятных мне недостатков, эти тяжелые самоходные машины тем не менее продолжали использоваться курьерами и командным составом, гарантируя быстрое и относительно безопасное передвижение: они защищали пассажиров и от магии, и от других возможных угроз.

– А почему такой странный способ входить внутрь?

– Один из дефектов конструкции, – вместо внезапно замолчавшего и погрузившегося в себя генерала тихо ответил Разрушитель. – Там была очень ненадежная выкидная лестница. Она, как правило, отваливалась в первые месяцы эксплуатации. В полевых условиях не до починки, так что приспособляли или веревочные лестницы, но они тоже не слишком удобны, или плевали на ремонт и забирались вот так на руках.

– Почему «была»?

– Это старая модель, наверное, уже списанная, – пожал плечами Разрушитель, и на этом разговор завершился.

Генерал молчал, глубоко погруженный в свои мысли. Сыскарь тоже не стремился поболтать, иногда бросая на меня странные, не то настороженные, не то неприязненные взгляды. Очень хотелось узнать, о чем подполковник сейчас думает, потому что от этого могла зависеть моя судьба. Но спрашивать было глупо, – честного и подробного ответа в любом случае не будет, – и я тоже молча уставилась в небольшое застекленное кривоватое окошко, кажется, врезанное уже по воле нынешнего хозяина. Тем удивительней была небрежность, с которой выполнили работу.

В тишине откуда-то из-под иллюзий начало сочиться беспокойство, вызывая у моей нынешней маски не страх, а раздражение.

Закусив от усердия губу, я вплотную взялась за собственное самочувствие и облик, благо сейчас было на это время.

Дагор

Чем дальше, тем больше странных обстоятельств вскрывалось в этом деле.

Выяснилось, что Тай-ай-Арселя убили без применения магии. То есть убийца с впечатляющим хладнокровием и настораживающей сноровкой выпотрошил мужчину под прикрытием иллюзии посреди зала или где-то в другом месте. «Где» – это уже следующий вопрос, для ответа на который надо было дожидаться результатов осмотра места происшествия. Возвращаясь же к трупу, не было выявлено присутствия каких-либо зелий в крови, следов борьбы или сопротивления, хотя эксперт настаивал, что потрошили его еще живого. Почему жертва при этом не дергалась и не билась, оставалось неясным. Впрочем, отсутствие видимых признаков воздействия еще ничего не значило: могла присутствовать и магия, следы применения которой аккуратно подчистили, да и дурманы, не определяемые никакими средствами уже через пару часов после приема, никто не отменял.

В любом случае сложно поверить, что подобное могла совершить эта девушка.

Нет, я не проникся ее «положительностью» и не был до глубины души тронут печальной историей магистра Шаль-ай-Грас. В конце концов, с Иллюзионистами никогда нельзя быть ни в чем уверенным – ни в их положительности, ни в

злокозненности. Я потому и не люблю связываться с магами этого направления: никогда не поймешь, где кончается очередной слой масок и начинается надежно запрятанная под ними личность. Из этого правила единственным исключением всегда оставался Пир, и лишь потому, что наша дружба завязалась в раннем детстве, еще до проявления у обоих дара.

Существовал один основной и очень серьезный аргумент за то, что не рука этой девушки оборвала жизнь дора Керца. Ей просто негде и некогда было научиться той филигранной точности, тому изящному профессионализму, с которым наносились увечья. Чувствовался огромный опыт, причем опыт не мясницкой работы, а именно палаческой практики. И это не мое мнение, а цитата из официального заключения. Я мог допустить, что эта девочка не так проста, как кажется на первый взгляд или представляется по рассказам Пирлана. Но что добрый десяток из своих двадцати пяти лет жизни она посвятила искусству резьбы по живому материалу, – это вряд ли. Это уже паранойя и нежелание разбираться подробнее.

Но девочка интересная, что есть – то есть, и если не на роль убийцы, то на роль соучастницы вполне тянула. И секретов, и примечательных особенностей полно, начать хотя бы с силы дара. По всем признакам он просто не мог быть ненаследственным, такое не появляется на ровном месте, и даже не во втором поколении. Так почему не нашли ее

родители? Вполне могло стать, что мать нагуляла ее от потомственного мага, но в это почему-то не верилось.

А чего стоил набор кровников? Мне бы хватило одного Хаарама после всего того, что я успел о нем выяснить. Что уж говорить о сыне Оллана Берггарена, да еще при этом маге-Материалисте!

Впрочем, мог бы с первого взгляда опознать знаменитую кровь в этом Бьорне, отпрысков великого рода сложно с кем-то спутать. Меня оправдывало только то, что в тот момент я был слишком занят другими мыслями, и уж точно не ожидал повторной встречи с кем-то из дружной компании кровников Лейлы Шаль-ай-Грас.

Так что утром, когда свыше пришел приказ прибыть для доклада к Его Величеству и прихватить с собой наследницу Тай-ай-Арселя, я чувствовал себя весьма неловко, вторгаясь под крышу столь уважаемого мной дома. А уж когда в гостиную, куда меня для ожидания сопровождал один из слуг, решительно шагнул сам генерал Оллан Берггарен, окончательно растерялся. Магистр Шаль-ай-Грас, с трудом поспевавшая за широким шагом высокого мужчины, тоже выглядела весьма смятенной. А когда Иллюзионистка увидела меня, на ее лице удивление смешалось со страхом и, как мне показалось, некоторым облегчением.

Я, наверное, никогда уже не привыкну к общению с магами Иллюзий. Этим надо заниматься в молодости, а не в сорок лет судорожно наверстывать упущенное. Весь путь от

гостиной до экипажа мне было не до разглядывания спутников, я сосредоточился на проклятой ноге и необходимости поддерживать заданную генералом скорость передвижения. А вот когда возле экипажа вновь бросил взгляд на спутницу, к увиденному я оказался не готов, хотя и сумел сохранить лицо. Пришлось напомнить себе, что передо мной не просто молодая девушка и жертва обстоятельств, но опытный и сильный Иллюзионист.

На улицу вышла совсем не та женщина, которая вбежала в гостиную вслед за генералом. Причем изменения оказались настолько кардинальными, что я едва поборол желание проверить ее личность единственным доступным способом: разрушением чужой магии.

Если сама Лейла была на вид очень теплой, солнечной и живой, с ласковой улыбкой и лучистыми зелеными глазами, то занявшая ее место особа оказалась полной противоположностью этого образа. Выющиеся мелким бесом рыжие волосы сменили свой оттенок на благородную медь, а буйные кудри – на мягкие локоны. Черты и форма лица стали строже, выпрямился в соответствии с идеальными пропорциями чуть курносый нос, золотистые веснушки и ровный загар сменились холодным алебастром чистой кожи. И даже яркая зелень глаз уступила место холодному бесстрастному металлу. Изменилась фигура, изменились повадки, изменилась даже одежда.

Если прежнюю магистра Шаль-ай-Грас было психологи-

чески трудно в чем-то подозревать, то при виде нынешней я засомневался, так ли уж она безгрешна? Потому что от этой суровой леди со взглядом опытной сотрудницы Имперской Охранки я мог ожидать чего угодно, вплоть до организации заговора с целью захвата трона.

Вот за это я не люблю Иллюзионистов. Да и не только я.

Лейла

Можно было назвать это везением, если бы не сопутствующие обстоятельства: Полуденный дворец стал уже второй уникальной достопримечательностью Амариллики, закрытой для широкой общественности, которую мне довелось посмотреть. Ансамбль из этих четырех дворцов, расставленных по сторонам света, вполне заслуженно считался одним из величайших чудес мира.

Если Рассветный и Закатный, резиденции дальних родственников правящей семьи, были чем-то похожи, то Полуденный и Полуденный отличались, как... день и ночь.

Полуденный был домом правящей семьи. Причем именно домом; там не устраивались пышные празднества, там обитали только те, кого император или императрица наделяли таким правом лично, а не по заслугам предков, и это была высокая честь – покои в Полуденном дворце. И, с трепетом ступая на песчаного цвета ступени крыльца, сбегаящие к подъездной дорожке, я на мгновение напрочь забыла об истинной цели своего визита и всех своих бедах. В голове вились только строчки из многих баллад и поэм, посвященных красоте этого изящного и миниатюрного по сравнению с «коллегами» строения.

Полуденный дворец звался Домом Солнца, Небесной Чашей, Храмом Света, Очами Зимы и многими другими столь

же громкими и почти безликими, как я теперь понимала, именами. Тонкий, невесомый, он казался почти прозрачным на фоне окружающего пышного сада. «Кружевная салфетка, сплетенная из солнечных лучей» – так говорил о нем один из великих поэтов прошлого. Светлое дерево, янтарь, авантюрин, желтый и розовый мрамор утопали в зелени живых цветов, заполонивших коридоры дворца настолько, что он весь казался продолжением сада. Я ступала следом за генералом Олланом и не могла сдерживать детского восторга, охватывавшего меня при взгляде по сторонам. И сама не заметила, как мой прежде темно-зеленый строгий иллюзорный наряд, прятавший под собой домашние серые штаны, сменился на что-то яркое и невесомое под стать впечатлению от окружающей обстановки.

Лишь на периферии сознания кружилась иронично-печальная мысль, что теперь я умру если не счастливой, то по крайней мере более умиротворенной, зная, что на этом свете существует подобная живая красота, созданная руками простых смертных.

Немногочисленные встречные окидывали нашу процессию любопытными взглядами или попросту игнорировали, двигаясь по своим делам. Задерживать нас или расспрашивать о цели визита явно никто не собирался.

Недолгий путь завершился в практически пустой просторной светлой приемной с удобными диванчиками вдоль стен. Край одного из них, углового, занимала пожилая (су-

дя по сложенным на трости рукам) женщина в густой вуали. Кажется, она дремала сидя и при нашем появлении даже не вздрогнула. Кроме нее в приемной был всего один человек: за внушительным столом на фоне обширной картотеки-стеллажа сидел сухощавый абсолютно лысый мужчина средних лет, занятый какими-то записями. При нашем появлении он вскинул голову, с некоторым недоумением посмотрел на генерала и на нас за его плечами, поднялся из-за стола и коротко поклонился.

– Господин Берггарен? – вопросительно приподнял безволосые брови секретарь. – Прошу прощения, но Его Величество в данный момент...

– Насколько мне известно, Его Величество сейчас ожидает следователя Зирц-ай-Реттера и магистра Шаль-ай-Грас, которую я и сопровождаю. Вернее, начнет ожидать минут через пять, – невозмутимо произнес генерал. Цепкий взгляд блеклых глаз секретаря сначала прошелся по сыскарю, потом по мне. Мужчина кивнул и, постучав в большую двустворчатую резную дверь, возле которой располагался его стол, выждал несколько секунд, после чего бесшумно скользнул внутрь.

Обратно секретарь вернулся очень быстро.

– Пожалуйста, присядьте. Его Величество примет вас с минуты на минуту, – секретарь жестом указал на диванчики и вернулся к своим делам. Я послушно присела, а мужчины предпочли остаться на ногах.

Я озадаченно покосилась на старушку, которую все почему-то игнорировали. Женщина выглядела странно. Темно-зеленая вуаль, прижатая простым медным обручем, состояла из нескольких больших платков и была настолько плотной, что я не представляла, как можно сквозь нее что-то видеть. Из-под накидки торчали только край очень длинной черной юбки и кисти рук со все той же тростью. Решив, что это совершенно не мое дело, я отвернулась от необычной посетительницы, а то пристальное внимание уже становилось неприличным.

Долго ждать нас не заставили. Дверь открылась, и из кабинета вышел обаятельный мужчина с коротко остриженными светло-рыжими, выгоревшими на солнце волосами. Одет он был просто и небрежно, в традиционный наряд из обыкновенного полотна белого цвета. Глянув на него мельком, я поспешила быстро, но так, чтобы это не показалось нарочитым, отвести глаза. Я узнала его, но очень не хотела, чтобы он узнал меня, хотя и понимала бесплодность подобной надежды. Даже если секретарь не назвал в его присутствии наши имена, я еще не доросла до того уровня, чтобы спрятаться от одного из Владык Иллюзий.

Как все Иллюзионисты, он избегал личин тогда, когда можно было без них обойтись. Чем старше, опытнее и сильнее маг, тем щепетильней он относится к выбору масок. И тем сложнее отличить его новую маску от истинного лица – меняются выражения и настроения, но общий облик оста-

ется прежним. Иллюзионистам масштаба Кабира Тмер-ай-Рель не обязательно менять внешность, чтобы создать нужное впечатление у окружающих.

Он скользнул по нашей компании взглядом, ни на ком не задерживаясь, и кивком обозначил приветствие. Когда Владыка Иллюзий покинул тишину приемной, секретарь пригласил нас в кабинет.

Кабинет был под стать всему дворцу. Такой же просторный, полный света и воздуха. Огромный Т-образный стол, заваленный какими-то географическими картами и документами, занимал добрую треть пространства. Кроме него в нишах притаился ряд шкафов с резными дверцами, и... макеты. Несколько кораблей, настолько аккуратно и тонко выполненных, что казались чудесным образом уменьшенными настоящими большими кораблями; какая-то страхолюдная образина, смутно похожая на привезший нас сюда бронированный экипаж. А в двух больших витринах у окна и вовсе были построены какие-то сражения на местности.

Увлеченная созерцанием, я не сразу обратила внимание на хозяина кабинета, стоящего возле одного из шкафов с пухлой потрепанной папкой в руках. Очнулась только от голоса генерала Берггарена.

– Доброе утро, Ваше Величество.

Опомнившись, поспешила изобразить глубокий поклон, осторожно разглядывая человека, которого при благоприятных обстоятельствах вряд ли когда-нибудь увидела бы на

расстоянии меньше сотни метров.

Знакомое каждому гражданину Флоремтера, да и не только, лицо сложно не узнать. Вот только газеты оказались бессильны передать очень многое.

Например, я до сих пор не задумывалась, что Его Величество не уступает в росте и остальных пропорциях генералу. Даже, кажется, несколько выше. А еще, зная, что Его Величество рыжий, я не ожидала, что он рыжий *настолько*. Я всегда думала, что моя шевелюра яркая, но в сравнении с этим огненно-оранжевым безобразием я смотрелась натуральной бледной молю. У императора же даже веснушки на лице казались каплями яркой краски.

А следом за впечатлением от облика монарха меня настиг шок еще одного открытия. Я вдруг обнаружила, что одета в свои собственные потертые старые штаны. Да не только штаны, иллюзия сползла с меня, как сгоревшая на солнце кожа с носа бледного сионца. А рефлекторно попытавшись восстановить ее, я с ужасом осознала, что не могу этого сделать. Вообще ничего не могу сделать. Ставшая за годы жизни привычной, магия просто отказывалась слушаться. Сила никуда не делась, она разливалась в воздухе, но высокомерно меня игнорировала и в руки не давалась.

– Оллан, а ты-то что здесь делаешь? – прозвучал заданный глубоким сильным голосом вопрос. – Да выпрямитесь вы уже, неудобно ведь. – В голосе послышалось раздражение, и я поспешила разогнуться.

– Госпожа Шаль-ай-Грас – кровница моего сына и гостя моего дома, – невозмутимо ответил генерал.

– И, конечно, ты не мог вот так просто отправить ее в пасть пустынного барса, – продолжил Его Величество, с видимым интересом разглядывая попеременно то меня, то Разрушителя. – Даже в таком достойном сопровождении. – Он задумчиво склонил голову перед хмурым сыскарем. Жест, в исполнении Его Величества означающий исключительное личное уважение. Есть повод задуматься. – Не пугайся, девочка, – вдруг улыбнулся, пристально вглядываясь в мое лицо, император. – Твоя магия в порядке, просто не действует в моем присутствии. Врожденный дар правящей семьи, он не то чтобы скрывается, просто не афишируется.

Я машинально коротко поклонилась, демонстрируя понимание предупреждения.

Панибратская манера разговора и несерьезная расцветка могли сбить с толка только в первый момент; взгляд Его Величества оказался очень тяжелым испытанием. Я вдруг поняла, что дор Керц по сравнению с этим мужчиной выглядел мелко и несолидно. Потому что против цепкого холода Тай-ай-Арселя здесь были власть и знание. Взгляд выворачивал наизнанку разум и душу, и я откуда-то точно знала, что спрятать что-то от этого человека совершенно невозможно. Во всяком случае, не для меня.

Один раз случайно столкнувшись с императорским взглядом, я поспешила отвести глаза, признавая полную свою ка-

питуляцию. Боюсь даже предположить, как живет супруге этого человека под таким давлением! Впрочем, может быть, они друг друга стоят? Императрица редко появлялась на людях или, по крайней мере, делала это в тайне от газет. И если лицо Его Величества примелькалось даже мне, то ее облик я вот так с ходу вспомнить не могла.

– Так вот, значит, кому Дайрон завещал свой титул, – задумчиво проговорил Его Величество после короткой паузы. – Жестоко. Но на него похоже, – хмыкнул император. – Ну и каково быть наследницей самого богатого доррата страны? Учитывая, что прямых наследников у дражайшего родственника не осталось, его завещание даже действительно и имеет юридическую силу, так что все почти всерьез.

– Моего мнения никто не спрашивал, Ваше Величество, – с трудом выдавила я. Почему-то казалось, что, несмотря на всю свою проницательность, император вряд ли поверит, что я не горю желанием связываться с этим «подарочком». Да и оговорку про «почти всерьез» сложно было не принять на свой счет. Неодобрение императора могло перечеркнуть любую волю, и сейчас, несмотря на весь страх, я искренне на него надеялась.

– А если бы спросили?

– Я бы отказалась, – уже увереннее, но все еще не рискуя поднять взгляд выше ворота лазоревой рубашки, ответила я. Вопрос был неожиданным, но желанным, и позволил родиться надежде на лучшее.

– Я почему-то так и подумал. Что ж, наследство – это все-таки не приговор, от него можно и отказаться. Но ты точно уверена, что желаешь этого? У тебя есть чуть меньше года для раздумий. А там, может, роль богатейшей женщины страны понравится? – В голосе Его Величества сквозила ирония и... сочувствие?

– Благодарю за доверие, но, если возможно, я бы хотела поскорее отказаться от этой чести.

– А что так?

Кажется, он прекрасно знал все мои мотивы, но предпочитал добиваться оглашения их вслух.

– Рожей не вышла, – не удержалась от прямолинейности я, отчаянно смущаясь.

Я чувствовала себя крайне неловко в этом месте и перед этим человеком, да еще без привычных щитов, которые давала магия. Император – это не бог, но для большинства обывателей он ближе к ним, чем к обычным людям. Существует, обладает реальной властью, иногда его даже можно увидеть во плоти, пусть и издалека... и совершенно непонятно, чем может закончиться непосредственное столкновение с ним. Поэтому хотелось поскорее оказаться за пределами прямого императорского взгляда, а построение сложных словесных конструкций казалось совершенно запредельным умением. Казалось, чем короче и точнее я буду выражать собственные мысли, тем скорее меня отсюда отпустят.

– Ну, это уже кокетство, – неожиданно легко и весело рас-

смеялся Бирг Четвертый. – Вполне милая мордашка. Но тем лучше. Скромность и самокритика на вершине мира не в почете. Если не хочешь думать, то вот, – он подошел к столу, поднял с него тонкую стопку листов и выбрал из них нужный. – Можешь подписать прямо сейчас, и по крайней мере по этому вопросу тебя оставят в покое.

Лист плотной гербовой бумаги лег мне в ладони, и я, хмурясь, вчиталась в строчки, написанные безукоризненным каллиграфическим почерком. Собственно, ничего сложного в документе не было, простой отказ от наследства. От моего имени со всеми данными.

Я подняла растерянный взгляд на императора, но тут же вернулась обратно к бумаге. Еще не хватало свои глупые подозрения высказывать вслух! Еще воспримут их как обвинения, и тогда меня отсюда уведут под конвоем...

– Мне, конечно, лестно казаться пророком и великим манипулятором, – со смешком проговорил император, собственноручно протягивая мне письменные принадлежности. – Но я просто предусмотрел все варианты, включая твое горячее желание незамедлительно вступить в права владения, – он тряхнул оставшейся в руке стопочкой. Мне снова стало стыдно за недостойные мысли, которые приходится читать этому могущественному человеку в моей непутевой голове, без поддержки привычных масок окончательно запутавшейся в ощущениях. – Кроме того, приношу извинения за действия своего кузена, втянувшего тебя в эту историю, –

продолжил добивать меня Его Величество, забирая из дрожащих рук подписанную бумагу.

– Ничего страшного, – неуверенно промямлила я, гипнотизируя узорчатый паркет на полу.

Передо мной. Извиняется. Император. Я сплю или просто сошла с ума?

Великая Инина, чем я заслужила столь пристальное твое внимание?! Я прекрасно обошлась бы и без этих извинений, и без всей этой истории!

– Господин подполковник Зирц-ай-Реттер, надеюсь, ты согласишься со мной, что это дитя невиновно в смерти Дайрона? Да и вообще непричастно к его темным делишкам.

– Если даже Вы, Ваше Величество, в этом уверены, кто я такой, чтобы спорить? – с коротким поклоном ответил Разрушитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.